

М а м о ч к и
И
П а п о ч к и

КАТРИН
КОРР

Катрин Корр

Мамочки и папочки

«Автор»

2023

Корр К.

Мамочки и папочки / К. Корр — «Автор», 2023

Чтобы хоть как-то справиться с финансовыми проблемами, Лея безвылазно работает официанткой в баре. Кажется, будто весь мир против нее, но вдруг случается чудо... Гость бара делает ей сумасшедшее предложение, способное махом решить все её трудности. Всё, чего хочет от нее Янис – ребенок, которому она станет любящей мамой. Только вот заниматься его воспитанием Лея будет в одиночестве, поскольку Янис серьезно болен и утверждает, что жить ему осталось чуть меньше года. Но взамен он обещает, что подарит ей жизнь, лишённую каких-либо забот. Помехой этому не станут даже его родственники, поскольку у него их просто нет. Разве это не отличный шанс, чтобы затеряться в райском курортном городке, жить на берегу теплого моря и вести спокойную жизнь? Особенно, когда одиночество и бегство от прошлого Лее крайне необходимо. И, когда в один из беззаботных летних дней на пороге её дома возникает враждебно настроенный мужчина, называющий себя родным братом Яниса, Лея начинает понимать, что они с дочерью угодили в очень запутанную и коварную игру.

© Корр К., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Пролог	5
1. Лея	11
2	17
3	20
4	24
5	28
6	34
7. Витан	39
8	41
9	45
10. Лея	53
11	58
12. Витан	65
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Катрин Корр

Мамочки и папочки

Пролог

Нетерпеливый взгляд Алисы проносится над моей головой, точно стрела, выпущенная из лука одним из заждавшихся меня гостей. На её понимание рассчитывать не стоит. За последние семь месяцев, что я работаю в этом паршивом заведении, она ни разу не позволила мне уйти на десять минут раньше. Не то, чтобы я часто просила об этом... Но всё же!

– Не могу понять, – отвечает мне с такой интонацией, словно именно она спасает меня от жизни впроголодь, – тебе что, не нужна работа? Не нужны деньги? У тебя нет счетов, которые нужно оплачивать регулярно? Учеба твоя стала вдруг бесплатной?

– Именно поэтому мне очень нужен аванс. Сейчас.

– А мне нужна новая резина на зиму. На днях начнутся первые заморозки, а я по прежнему на «лете» езжу. Понимаешь, Лея, когда люди чего-то очень хотят, они работают. Потому что работа приносит деньги. Насколько мне известно, ты учишься в университете на... как же там? Дизайнер? Модельер?

– Модельер-конструктор.

– Точно! Уверена, ты мечтаешь открыть свой дом моды и наряжать богатых дам. Когда-нибудь, – улыбается натянуто, – лет так через сорок. И для этого необходимы средства. Причем большие. А чтобы они у тебя появились, нужно уметь всё просчитывать. Иначе ты рискуешь остаться на улице, без диплома и должной хвалы своих любимых родителей, которые всё это время верили в тебя и поддерживали. Зарплата была три дня назад, – напоминает она, задрав тонюсенькую бровь. Бог мой, это уже давно не в моде! – До аванса ещё две недели.

– Я знаю, что так не положено. Но я прошу тебя, пожалуйста. У меня... безвыходное положение. До конца следующего месяца я возьму все ночные смены.

– Да ты что! – Алиса складывает руки на груди и откровенно оценивает меня. – А спать ты когда собралась, позволь узнать? У тебя ведь учеба в университете с самого утра? Хочешь потом слоняться от столика к столику, как переваренная сосиска?

– Такого не будет.

– Будешь на энергетиках жить? Ты и без того уже вторую неделю похожа на овощ, Лея! В моем баре персонал всегда доброжелателен. Официанты рады приветствовать каждого гостя. Я бы точно не хотела, чтобы меня обслуживала девица с кислой физиономией, как у тебя. Честное слово, смотришь и прям... тошно становится. Улыбнись! Немедленно! Аванс будет через две недели, – заключает она, окинув повелительным взглядом забитый гостями зал. – Советую тебе чаще улыбаться, потому что от этого тоже зависит размер твоих чаевых. Работай, девочка! Работай!

Смотрю ей вслед, отчаянно борясь с желанием закричать во всё горло. Беспрекословно соглашаюсь с доводами рассудка – сама виновата. Знаю! Но когда устремляю взгляд на толпу беззаботных и пьяных лиц, отдыхающих этим пятничным вечером в шумном баре, мысленно машу кулаками, отбиваюсь, борюсь за свою непричастность к краху моей молодой жизни. Я не виновата! Я жила и действовала по совести, по зову наивного сердца и что получила по итогу?

– Девушка? Долго нам ждать ещё свой заказ?

– Давайте уже как-нибудь поживее!

Смотрю на четверку подружек. Трое недовольны длительным ожиданием, а одна снимает себя на камеру телефона и с улыбкой машет своим подписчикам.

– Прошу прощения. Сейчас всё будет.

По пятницам здесь всегда оживленно. Офисные клерки навдываются сразу после работы и они всегда самые шумные. Пьют на спор, разбивают стопки и смеются во всё горло. Наверное им тяжело всю неделю сохранять деловой вид и обходиться короткими, но умными фразами. А здесь они отрываются по полной. Приходят сюда большими и маленькими компаниями, много и одиночек, пожелавших остаться наедине со своими мыслями. Чаще всего они садятся у барной стойки, будто им неловко занимать целые столы, заказывают несколько порций крепкого алкоголя и как-то по-особенному подпирают голову рукой. Впрочем, не похожими на других их делает отрешенный взгляд, уставший от лиц близких, рабочей суматохи и в принципе всей этой поганой жизни. Из небольшого разнообразия гостей, эти мне нравятся больше всего. Иногда, конечно, и они умудряются начудить, но в целом, одиночки самые тихие, вежливые и щедрые.

К половине второго ночи гости начинают постепенно расходиться. Громкая музыка продолжает сотрясать стены и, как обычно, на крошечном танцполе остаются пять-семь человек, которым остается совсем чуть-чуть до полной утраты бешеной энергии. Собираю грязную посуду с очередного столика, мятые салфетки и чувствую вибрацию в заднем кармане джинсов. Достая сотовый с треснутым дисплеем, не опасаясь быть пойманной Алисой, которая оштрафует за телефонные разговоры в рабочее время. Телефон даже в руках держать запрещено!

– Эй, привет! – говорит Элина. – Почему не звонишь? Как прошло? Стерва согласилась?

– Нет. Денег мне Алиса не дала. Покрутилась здесь немного и свалила.

– Вот же проклятая сучка! Как я её ненавижу! Не удивительно, что у такой мерзавки нет мужика.

Продолжая составлять грязную посуду на поднос, вновь ощущаю эту огромную и неподвластную мне волну полнейшей безнадежности. За работой и бегом от столика к столику я немного забыла, насколько моя жизнь увязла в дерьме. И, хотя, у меня есть возможность исправить положение, я ни за что ею не воспользуюсь. Нет. Даже, если буду спать на коробках под мостом. Нет! Никогда!

– Слушай, сегодня дежурит эта ненормальная Макаровна. Мы с девчонками придумали, как отвлечь её, чтобы ты прошла в нашу комнату...

– Нет, не беспокойтесь об этом! – До чего же унижительно. Моя подруга подговаривает своих, чтобы те помогли мне проникнуть в их общежитие и переночевать. – Сегодня тут драка была, – вру, глянув на барную стойку, за которой сидят лишь двое мужчин. – Нужно всё убрать к утренней смене. Сама знаешь, если этого не сделать, Алиса всех оштрафует.

– Хочешь сказать, что ты останешься ночевать на работе, – вздыхает Элина. Возможно, она и понимает, что я обманываю её, потому что мне слишком совестно перед ней и её соседками по комнате, которые уже несколько дней позволяют мне жить у них. – Лея, как всё закончишь, сразу позвони мне и приезжай в общежитие. Утром на вахте будет Юля Борисовна. Если не застанешь меня, то ключ от комнаты возьмешь у нее. Она хорошая.

– Да, она очень милая тетушка... – Мне с трудом удастся сдержать слезы. Теперь в этом мире остался лишь один человек, которому я могу довериться, и это Элина. – Слушай, мне тут бежать надо! Увидимся утром.

– Конечно. И знаешь, Лея, не волнуйся! Мы что-нибудь придумаем. У моих девчонок тоже есть друзья и... всё будет хорошо! Утро вечера мудренее, так?

– Да. Целую.

Хватаю поднос и несю его на мойку. Полусонная и уставшая, Маргарита молча забирает очередную порцию грязной посуды, продолжая слушать очередную аудиокнигу с лихо закрученным сюжетом. Наушники у нее настолько здоровенные, что голова на их фоне похожа на горошинку.

Может Маргарита даст мне займы? Пока нерешительно переминаюсь с ноги на ногу, ко мне подходит мой коллега Степа и сгружает сразу три тяжелых подноса.

– Ого! – комментирую. – Ты сильный.

– А то! Не зря в качалку хожу, – смеется. – Слушай, там тебя один мужик спрашивает. Худошавый.

– Какой мужик? – настораживаюсь, но стараюсь не подавать виду.

– Солидный, – улыбается Степа, забирая свои пустые подносы. – Он сюда частенько захаживает. Уже не раз обслуживаю его. – Осторожно выглядываю из-за выступа. – Пятый столик. На нем белая рубашка и темный пиджак.

Пятый столик расположен у окна и отделен от общего зала невысоким деревянным ограждением. Алиса называет этот угол VIP-зоной, но по факту это такой же столик, как и другие, но к нему возможно подойти через калитку. Для официантов она, как заноза в заднице. Калитка, я имею в виду. Впрочем... И Алиса тоже. Смотрю на темноволосого мужчину в белой рубашке и судорожно перебираю варианты.

Представитель коллекторского агентства?

Представитель банка?

Судебный пристав, предпочитающий нетрадиционные способы поиска и взаимодействия с должниками? Тьфу ты! Какой ещё пристав? Никаких постановлений на мое имя нет! Пока ещё нет...

– Знаешь его?

– Нет. Если будет спрашивать, скажи, что я уже ушла домой.

– Проблемы какие-то?

– Типун тебе! – изображаю улыбку. – Просто я держусь подальше от подозрительных и пьяных типов.

– Он не пьяный. Ни разу алкоголь не заказывал. Только минеральную воду и какой-нибудь салат. Хочешь, я спрошу, что ему от тебя нужно?

– Нет! – Этого мне ещё не хватало. Чтобы все на работе узнали, в каких проблемах я увязла. – Игнорируй его. А спросит обо мне, скажи, что ушла домой. Я тут пока... Маргарите помогу. Бедняжке совсем тяжело одной.

– Как скажешь.

Тронутая моей помощью Маргарита предлагает мне заняться стеклянной посудой, которую нужно сгрузить в две посудомоечные машины. Я не тороплюсь, хотя делов-то не так много. Но тревога становится причиной моей неуклюжести, и я разбиваю сразу два высоких стакана с толстым дном.

– Черт!

Испугавшись, Маргарита смотрит на меня во все глаза. Говорю ей, что всё уберу и осторожно перешагиваю разбитые стекла. Мне очень неудобно.

– Лея? – обращается ко мне мужской голос через перекидную столешницу. Тошнота моментально поднимается к моему горлу. – Рад, что мне удалось застать тебя прежде, чем ты уйдешь. Хотя твой коллега сказал, что смена закончилась.

С опаской оглядываюсь на Маргариту. Не хочу, чтобы о проблемах, которые пришел обсудить со мной этот мужик, ей стало известно. Она, конечно, не отличается разговорчивостью, но всё же...

– Мы можем поговорить? – спрашивает меня, а потом устремляет сощуренный взгляд карих глаз на Маргариту. – С глазу на глаз.

– Я ещё работаю. – Хочу сказать, что мне не о чем с ним разговаривать, ведь мы незнакомы. И делать этого я не собираюсь. Но тогда есть риск, что он мне тут же представится, не забыв упомянуть о своей должности... Наверное, он точно коллектор. И пока ещё вежливый. – Сегодня я здесь буду до самого утра, так что... в другой раз.

– Алисы здесь нет, – вдруг говорит Маргарита, сдвинув в сторону правый наушник. – Да и я сама справлюсь. Иди.

– Полагаю, Алиса – хозяйка бара? – спрашивает мужчина с улыбкой.

Маргарита молча кивает и, вернув наушник в исходное положение, отворачивается, продолжая споласкивать посуду.

– Лея, я не отниму у тебя много времени, – говорит мужчина намного тише. Его осторожный тон располагает к себе, хотя я и догадываюсь, о чем именно пойдет речь. Может, если я объясню ему, каким образом оказалась в столь отчаянном положении, он поймет и не станет... предпринимать никаких устрашающих действий? – Скажу сразу, я очень хочу тебе помочь.

Сейчас скидку какую-нибудь предложит или отсрочку по выплате... Нерешительно киваю и снова оглядываюсь. Надеюсь, Маргарита не услышала его слова.

* * *

Отстегиваю бейдж с именем и прячу его в карман темно-коричневого фартука, а потом снимаю и его. Аккуратно складываю часть своей униформы и кладу на соседний стул, чувствуя на себе внимательный взгляд гостя.

– Лея, не желаешь выпить чего-нибудь?

– Нет. Давайте перейдем сразу к делу.

Незнакомец согласно кивает и опускает руки на стол. Сложив длинные пальцы в замок, он издает не предвещающий ничего хорошего лично для меня вздох. На его правой руке красуются дорогие часы. Ремешок кожаный и широкий, а крупный циферблат наверняка из белого золота. Зажиточный однако коллектор.

– Для начала представлюсь, – говорит он серьезно, вынуждая меня нервничать ещё больше, – меня зовут Янис. Я не живу в этом городе. Приехал исключительно по работе.

– Ясно. – Прячу вспотевшие руки под столом.

– Лея, тебе не о чем беспокоиться. Понимаю, эти слова от малознакомого типа не внушают доверия, но это действительно так. Я хочу предложить тебе работу, которая в последствии станет для тебя намного большим... И пока, к сожалению, я не могу подобрать правильные слова, чтобы не усиливать твою тревогу.

– «Работу»? – смотрю на него, не моргая. – Вы что, не представитель... банка?

– Нет, – улыбается мужчина. – Но я точно знаю, что мое предложение решит все твои финансовые проблемы. Их ведь не мало, не так ли?

– У вас плохо получается не усиливать мою тревогу, – говорю, нервно озираясь.

– Понимаю, – усмехается этот Янис, – и прошу прощения за всё, что в следующие минуты может показаться тебе несколько... необычным. Но времени у меня не так много и я не имею возможности подготовить почву. – От волнения в ушах начинает звенеть. – Могу я тебя попросить кое о чем? Помимо того, чтобы ты обращалась ко мне на «ты»? Для меня это очень важно, потому что я, как и ты, впервые оказываюсь в подобной ситуации. – Молча киваю, хотя и не понимаю, что вообще ему нужно и какого черта здесь происходит. – Можешь ли ты сохранять молчание, пока я буду говорить? Когда тебя что-то удивит, поразит или даже заденет, чего бы мне, конечно, не хотелось, ты всё равно позволишь мне закончить и только после этого выскажешь свое мнение и задашь вопросы. Буду рад ответить на них.

Янис пронзительно смотрит в мои глаза. Мне даже кажется, что... с искренней мольбой.

– Хорошо.

Мой ответ будто переключает танцевальный плейлист на убаюкивающий. Скользящий, как шелк, женский голос едва слышно напевает слова о любви, а музыка шепчет так тихо, будто не хочет стать лишней в этом пока ещё мне непонятном разговоре.

– Неделю назад я стал невольным слушателем твоего разговора с подружкой, – начинает Янис, похитив мое дыхание. Меня моментально обдает опаляющей волной стыда. – В здешнем туалете очень тонкие стены. Ты плакала, потому что парень, которого ты любила, предал тебя

по всем фронтам, а из университета отчислили... Короче говоря, Лея, я слышал всё. Возможно, глупо и бесчеловечно мне, как постороннему, говорить об этом, но так я лишь хочу напомнить тебе о причинах, которые, я надеюсь, подтолкнут тебя согласиться на мое предложение. Оно целесообразно во многих смыслах. Что ж, это было лишь маленькое отступление. А теперь, пожалуй, я начну. – Сделав несколько глотков воды, мой собеседник протирает вспотевший лоб бумажной салфеткой. На мгновение ясный взгляд замирает в неведомой точке, словно его хозяина ещё терзают сомнения. Но, взмахнув редкими ресницами, мужчина уверенно расправляет плечи и вздымает вверх квадратный подбородок. Он смотрит на меня так, словно собирается поведать о всех своих грехах и встретиться лицом к лицу с осуждением и наказанием. – Меня зовут Янис. Мне тридцать два и меньше, чем через год я умру. У меня нет семьи. Нет братьев, нет сестер. Есть родственники, но они давно живут за границей и мы, можно сказать, друг друга не знаем. Но у меня есть деньги. Их достаточно, чтобы больше не работать и жить, ни в чем себе не отказывая. Но здоровья на них не купишь. Тут они, к несчастью, бессильны. Впрочем, в моем случае, возможно, что это даже и к лучшему. Всю свою взрослую жизнь я посвятил карьере, отказываясь признавать важность самых простых для каждого человека потребностей... За то короткое время, что мне осталось, я уже не смогу этого достичь. Не думал, что когда-нибудь скажу такое красивой девушке, но с каждым днем я становлюсь всё слабее, – усмехается Янис, опустив глубоко опечаленный взгляд на собственные руки. – Я хочу быть уверен, что после меня останется что-то очень хорошее. Что-то полезное. Несомненная необходимость для тех, кто забыл, что в этом мире есть что-то намного более ценное, чем власть, богатство, успех и величие. Точнее, есть кто-то, – уточняет Янис, вернув мне свой взгляд. – Мне нужен ребенок. Жаль, что это желание всегда обходило меня стороной, но в момент полного разрушения устоявшихся в моей голове иллюзий, я вдруг осознал, что после меня не останется ничего в этом мире. Деньги растрачены, у бизнеса появится новый хозяин, а я буду стерт с лица нашей земли. Мою ветвь никто не продолжит, потому что просто не кому этого делать. У меня нет ни сына, ни дочери. Есть только я и у меня уже истекает срок годности. Я предлагаю тебе, Лея, выбрать меня в качестве отца твоего первенца. Между нами ничего не будет. Беременность наступит путем искусственного оплодотворения и оно не подразумевает тебя в качестве суррогатной матери. Ты станешь этому ребенку настоящей мамой. Вы сделаете друг друга счастливыми. Вероятнее всего я даже не успею увидеть малыша... Но у него будешь ты. Помоги мне оставить частичку себя в этом мире и я отплачу тебе в стократ. Вы с ребенком никогда и ни в чем не будете нуждаться. Ты сможешь осуществлять свои мечты, увидеть мир, прожить жизнь так, как тебе и не снилось. Я знаю, что твой бывший парень набрал кучу кредитов на твое имя и просто исчез. Тебя отчислили из университета за неуплату, выселили из квартиры и последние недели ты почти не вылезал из этого бара, потому что тебе нужны деньги. Тебе двадцать два года, ты молода, умна и красива. Ты оказалась втянута в проблемы просто потому, что полюбила не того человека. И в этом нет твоей вины. Я бы сейчас многое отдал за то, чтобы узнать что это – влюбиться? Пусть с ошибками, которые бы дорого мне обошлись, но всё же... Тебе здесь не место, Лея, и ты это знаешь. Гены у меня превосходные. Я предоставлю тебе целую брошюру, которую ты сможешь внимательно изучить...

Янис запинаясь и снова пьет воду. Высокий лоб покрывается капельками пота, которые он снова стирает бумажной салфеткой.

– Извини. Издержки моего теперешнего состояния и волнения. – Мужчина, который выглядит намного старше своих лет, смотрит на меня с искренней надеждой в уставших светлых глазах. Ещё несколько минут назад их цвет был насыщенным, глубоким, как жареный орех, а теперь их будто накрыла бледно-матовая пелена. – Теперь я готов выслушать тебя. Что скажешь?

– Ты больной?

Янис смеется и мне становится неловко за свои слова.

– Вообще-то да. Я действительно больной.

– Извини... Я не имела в виду...

– Я понял, Лея. – Широкая улыбка подчеркивает неглубокие впадинки под глазами. Я была так озабочена мыслями о том, кто именно он такой, что даже не заметила бросающийся в глаза нездоровый вид. Думаю, некоторое время назад Янис был намного справнее, нежели теперь. – На меньшую реакцию я и не рассчитывал.

– Слушай, мне очень жаль, что с тобой такое случилось. Я знаю, как тебе нелегко. Моя мама тоже болела и это всё сложно переживать... Станный разговор, если честно. Ты не знаешь меня, я не знаю тебя и то, что ты наговорил мне сейчас... Такие вещи нужно обсуждать не с официанткой в баре, Янис. У тебя ведь есть друзья, близкие, те, кто волнуется, переживает и готов всегда прийти на...

– Таких нет, – перебивает он меня. – Я уже сказал, что у меня нет семьи. А друзья уходят, приходят – в моей жизни они никогда не задерживались. Если ты думаешь, что мое предложение не предусматривает юридическое сопровождение, то ты ошибаешься. Я человек деловой. Я с самого рождения понимаю необходимость документирования. Ты ничем не рискуешь, соглашаясь на мое предложение. Будешь только в плюсе.

– Знаешь, мне нужно идти, – отодвигаю стул и поднимаюсь. – У тебя всё будет хорошо, Янис... Прощай.

– Лея, это твой шанс! – говорит он, не обращая внимания на стекающую по виску капельку пота. Его болезненный взгляд так сильно напоминает мне маму. – Ты создана для большего. И я отдам тебе всё, что у меня есть, только помоги мне всё исправить и оставить что-то хорошее после себя. Прошу. Пожалуйста.

Сумасшедший.

– Мне нужно идти. Прощай, Янис.

1. Лея

Среди плотного потока только что прибывших бледнолицых пассажиров ко мне навстречу мчится настоящее пламя огня. Ярко-красные кучерявые волосы стали ещё пышнее и забавно обрамляют смуглое лицо, как воздушное облако. Короткие шорты цвета спелой клубники, белый топ и стильные кроссовки Nike с неоновой-желтой подошвой... Что ж, моя лучшая подруга и дня не может прожить без буйства ярких красок.

– А-а-а! – набрасывается она на меня, бросив на пол кожаную сумку с вещами. – Наконец-то!

– Раздавишь меня!

– А ты стала ещё сочнее и желаннее! – верещит Элина, обнимая мое лицо ладонями.

– Тише ты! – смеюсь, глядя по сторонам. – Что ты сделала с волосами?

– Нравится? – взбивает свои пушистые пружинки пальцами. – Проведя несколько недель в сказочной Африке, я решила, а почему бы мне, помимо потрясающих фотографий, не привезти и кусочек африканской моды? На выбор были косички и кучеряшки! Я отдала предпочтение второму.

– Радует, что в этот раз ты не побрилась налысо.

– Это ты ещё мои соски не видела, – заговорщически добавляет Элина. – На них вот такие кольца!

– Юмористка! Пойдем уже получать багаж!

– Постой-постой! А где моя пышечка?

– Твоя пышечка ждет тебя дома, – отвечаю, повесив на плечо кожаную сумку. – С пяти утра на кухне.

– С ума сойти! И она просыпается в такую рань? – Мы проходим в зал выдачи багажа. Лента с чемоданами уже движется. – И что меня ждет на этот раз?

– Имбирное печенье.

– О! Обожаю имбирное печенье.

Меня пробирает смех, потому что Элина на дух его не переносит.

– Ну, хотя бы не сырой пирог, – вздыхает она.

– Я пыталась её отговорить от этой затеи, но в сказке о «Принцессе золотых песков» упоминается о том, как поцелованная солнцем красавица приходит в восторг от имбирного печенья, которым её угощает помощник Короля снегов. В сказке даже рецепт есть.

– Паршивые сказки нынче пошли. Хочешь сказать, что твоя пятилетняя дочь сейчас одна дома и печет печенье?

– Конечно! Я же претендую на звание матери года, которая спокойно уезжает за несколько километров от дома и оставляет ребенка один на один с газовой панелью и работающим духовым шкафом. – Мы с Элиной переглядываемся. Её ошарашенный взгляд продолжает забавлять меня. – С ней Марта.

– А разве она не уехала?

– Через пару часов за ней приедет такси. Вообще-то, они с Мари давно испекли это печенье. Говорю же, с пяти утра! Она очень хотела поехать со мной, но от недосыпа у нее голова разболелась. Сказала мне, что не могла уснуть всю ночь, потому что очень ждала встречи с Элиной.

– Да моя ты хорошая! – расплывается в улыбке Элина. – Самый прекрасный ребенок на свете! Я готова съесть целую миску имбирного печенья мое сладкой малышки!

– Кажется, Мари напекла три миски.

– Вот же черт, – вздыхает Элина, потянувшись за своим чемоданом.

Через двадцать минут мы уже едем по узкой и извилистой дороге, обнимающей зеленые холмы вблизи лазурного побережья. Асфальт уже плавится от яркого солнца. Наши волосы треплет горячий ветер, а в нос проникает приятный запах морской воды, который никогда мне не надоест.

– Да здравствуют летние каникулы! – кричит Элина, поднимая вверх руки. – Я так счастлива!

С последней нашей встречи прошло полгода. Элина уже несколько лет работает штатным фотографом и автором в одном из старейших и известнейших изданий о путешествиях, и потому редко сидит на месте. Когда она сообщила по телефону, что собирается остаться у нас до конца лета, я сразу заподозрила неладное, но о деталях спрашивать не стала. Если Элина и приезжала к нам, то оставалась на неделю, не больше, потому что её жизнь захлестнули регулярные командировки по всему свету. Очень надеюсь, что ничего серьезного не приключилось.

Белые решетчатые ворота медленно отъезжают в сторону, открывая очаровательный вид на ухоженную лужайку, яркие цветы, карликовые пальмы, в которых обожают прятаться Мари, и обновленную ровную тропинку из серо-коричневого камня. Прошлый её вариант оказался слишком опасным для езды на велосипеде и роликах. Сквозь широкие вертикальные отверстия ворот видно, как к нам навстречу бежит ярко-желтое пятно. Элина не дожидается, когда мы заедем во двор. Просто выпрыгивает из машины и ловит в объятия свою крестницу, которой меньше, чем через месяц, исполнится целых пять лет.

Разве можно сдержать улыбку, слыша радостный детский смех? Мой бальзам на душу. Крепкая дружба между моей зеленоглазой малышкой Мари и лучшей подругой Элиной зародилась в родильном зале одной из частных клиник курортного города почти пять лет назад. Сложно поверить, что я мама яркого солнышка в желтом платье. А ведь кажется, будто это случилось только вчера.

* * *

– Видела я твой взгляд, – говорит Элина, потягивая молочный коктейль из широкой трубочки. Мари решила вдоволь накормить её не только имбирным печеньем, но и напоить ледяным молочным коктейлем с добавлением нескольких капель кокосового молочка. – Такой глубокий и вдумчивый, но летающий где-то на поверхности воздушных облаков, под которыми сгущаются тучи. Что бы это значило?

Мы загораем на деревянных шезлонгах у бассейна, в котором плещется Мари со своими новыми надувными игрушками. В очередной раз Элина осчастливила её подарками. У самой воды сидят все куклы Барби. Мари нарядила их в купальники, которые мы шили вместе, и теперь куклы смотрят на то, как она плещается в ярко-оранжевых нарукавниках и пытается взобраться на огромную сороконожку.

– А у тебя там точно кокосовое молочко? – киваю с ухмылкой на высокий стакан.

– Сейчас только одиннадцать! Через час можно добавить что-нибудь покрепче. – Мы улыбаемся друг другу. – Так и серьезно, что это ещё за взгляд у тебя такой?

– Какой?

– Как будто скоро начнется настоящий ливень, а ты потеряла ключи от дома и у тебя нет зонтика.

– Мари стала задавать один и тот же вопрос с частой периодичностью. И с каждым днем мне становится всё сложнее повторять одно и то же.

– Ну, для правды она ещё слишком мала.

– А сказка, в которую я сама же заставила её поверить, отказывается развиваться. Она-то ведь ждет именно этого. Будь я тогда умнее, придумала бы что-то другое.

– Но эта безобидная история была частью вашего договора. Так хотел Янис.

– Да, хотел. И я соблюла все условия. Выполнила всё, чего он желал. Только Мари растёт и становится старше, а история с папой, который уехал возводить огромные волшебные города, с каждым разом заставляет её грустить всё больше. Потому что я говорю ей одно и то же. Потому что у меня язык не поворачивается сказать, что папа-волшебник останется там навсегда. В этой долине чудес, где людям и говорящим зверькам очень нужны дома! Что для него они важнее, чем она.

– Ты злишься.

– Конечно, я злюсь, – говорю полупшепотом. Мари машет нам и пытается снова залезть на надувную сороконожку. – Мне дышать становится тяжело, когда я вижу, как она качается на качелях и с надеждой в глазах смотрит на ворота. Если кто-то проходит мимо, у нее волосы дыбом становятся. У нас тут новый почтальон появился. Я в мастерской была, пока она в саду играла. А потом вижу, как она к калитке прижалась и говорит с ним. Когда я подошла, бедняга был краснее помидора.

– Что она ему сказала? – смеется Элина.

– Он всего-то принес корреспонденцию, а попал на сто пятьсот вопросов о том, как отправить письмо за море в долину чудес, где сейчас находится её папа. Что ей очень нужна помощь, ведь папу нужно поторопить. Марта говорит, что это просто такой период. И его нужно пережить.

– Правильно говорит. Взрослая и повидавшая многое женщина обладает особой мудростью и знаниями.

– Сомневаюсь, что в ближайшем будущем Мари оставит эти пустые надежды, на которые я сама же её и обрекла. Если бы я знала, что такое ребенок и что значит быть мамой, я бы внесла правки в этот пункт. Мы с Янисом придумали бы что-то другое.

– Мама!

– Да, солнышко?

– А Марта уже встретила с сестрой?

– Думаю, что нет. Они с подругой только-только приехали на вокзал! А ехать им предстоит три дня!

– А почему они не сели на самолет? Разве самолет не быстрее поезда?

– Значительно быстрее! Но Марта боится летать. Так что выбор пал на поезд.

– Хоть бы папа не боялся летать! А то я его совсем не дожусь. Элина, смотри, как я умею!

Мари надувает щеки и делает кувырок под водой. Ну, почти кувырок.

– Умница! – хлопает Элина. – Сейчас допью твой крышесносный коктейль и покажу, как умею я! – Когда Мари начинает разговаривать со своими куклами, Элина издает тяжелый вздох и понимающе смотрит в мои глаза. – Да уж. Нелегкий период.

– Это катастрофа. Я ни за что не скажу ребенку, что её отец давно умер и никогда не вернется. Даже, если к годам шестнадцати она сама этого не поймет, я всё равно не смогу сказать ей правду. Но, чем дольше я молчу, тем больше подвергаю риску наши с ней отношения. Что, если в какой-то момент она воспримет мое молчание за ложь? Хотя, по сути это так и есть. Я обманываю её. Говорю же, катастрофа!

– Слушай, придет время и вы поговорите о Янисе. Ты расскажешь ей правду... Не всю, а только ту, что касается её отца. Марта права, у нее просто такой период. Перетерпи его. К тому же, я здесь! С вами! Мы будем кататься на лошадях, ходить в кино, на пляж, в аквапарк съездим! Мы с ней лучшие подружки!

– Это точно.

– Да и я могу приглядывать за ней, пока ты занимаешься своей личной жизнью, – многозначительно играет Элина бровками. – Давно ли ты оставалась ночевать у парня?

– Я предпочитаю спать в своей постели, – прячу улыбку за стаканом газировки. – Одна. Но идея мне нравится. Насчет «приглядеть».

– Ну-ка, ну-ка? – переворачивается она на бок. – Я чего-то не знаю?

– Ничего особенного. Так, просто флирт на один раз.

– Ну, знаешь! Просто флирт способен перерасти в нечто большее.

– В нечто большем я не нуждаюсь. Больше ни за что. У меня есть дочь – мой маленький огромный мир, к которому я не подпущу никого. – Смотрю на счастливую Мари и чувствую сладкий запах её нежной кожи. Молочный, сливочный, сахарный – я не могла и до сих пор не могу им надыхаться. – Поэтому, моя личная жизнь заключается в кратковременных встречах, которые меня вполне удовлетворяют.

– «Удовлетворяют», – понимающе кивает Элина и хитро ухмыляется. – Что ж, если ты счастлива, то и Мари счастлива, а я и подавно! Идем плавать! – подсакивает Элина, расплескав свой коктейль. – Ох! Какая жалость! Я такая неуклюжая!

– Не переживай! – хохочет Мари. – Я тебе ещё приготовлю!

– Вот как! Отлично, милая! Отлично, – безнадежно вздыхает Элина и смотрит на меня. – Спасите. Помогите.

Плещемся в бассейне до тех пор, пока не сморщивается кожа на пальцах. Когда солнце становится невыносимым, мы возвращаемся в дом, сохраняющий прохладу летом, а тепло зимой. Мари выглядит уставшей, но довольной. Отказывается обедать и я не настаиваю. Она столько времени провела в бассейне под солнцем, что сейчас быстро провалится в обеденный сон.

После душа протираю её нежные темные волосы полотенцем и, прыснув на них немного детского масла, осторожно расчесываю назад.

– Мама, а Элина правда надолго приехала?

– Надеюсь. Во всяком случае, она так сказала.

– Она больше не будет путешествовать?

– Будет. – Мари разворачивается ко мне и чешет остренький носик. – Но пока она решила взять перерыв, и я думаю, что это очень хорошо. Как считаешь?

– Это очень хорошо, мамочка!

Кладу расческу на тумбу в ванной комнате и помогаю дочке сменить махровый халатик на кремового цвета пижаму, которую она надевает на время обеденного сна. Для ночного у нас особенная – звездочки на штанах и майке светятся в темноте. Забравшись в свою кровать, Мари кладет рядом своего затасканного и не раз заштопанного дельфина, который стал её любимцем в трехлетнем возрасте.

– Солнышко мое, – поправляю одеяло, любясь её сонным личиком, – устала. Ты точно не голодна?

– Нет, мамочка. Я такая довольная. Пожалуйста, скажи Элине, чтобы оставалась здесь до осени. Или до зимы. Или навсегда!

– Обязательно. – Целую её в горячий лобик. – Ох, милая, кажется, ты сегодня перегрелась на солнце. У тебя ничего не болит?

– Нет. Мамочка, принеси мне, пожалуйста, стакан воды. Пить очень хочется.

– Хорошо. А ты пока померяй температуру.

– У меня ничего не болит, мамочка.

– Это хорошо. И всё же, поддержи градусник, пока я схожу за водой. – Достая из ящика комода электронный термометр. – Подними руку. Вот так. Я скоро, любовь моя.

Спускаюсь на кухню за маленькой бутылкой воды, как вдруг раздаётся плавная мелодия, оповещающая о госте. Элина, переодевшись в фиолетовую майку и ситцевые белые шорты, вопросительно смотрит на меня, приостановив нарезку колбасы для бутербродов.

– Сходи, пожалуйста, к воротам – прошу, бегло метнувшись к шкафу с любимым детским пюре Мари и всякими вкусностями. – Это проектировщик приехал! Будет работать над подарком Мари! Я его три месяца ждала, – поясняю шепотом. – Камера на домофоне перестала пока-

зывать и звук пропал. В общем, – резюмирую, заметив смеющееся выражение лица подруги, – сбегай к калитке и приведи его сюда. А я отнесу воду Мари. Кажется у нее температура.

– Заболела?

– Будем надеяться, что просто перекупалась, – спешу вверх по лестнице.

«37,4» – моргает значение на термометре. Мари уже спит, и я тихонько выхожу из её комнаты, оставив бутылку воды на узенькой прикроватной тумбе.

Я не нахожу себе места, когда моя дочь болеет. Всякий раз, когда вижу её сверкающие глазенки и слышу приглушенное дыхание, всё внутри меня начинает стонать от боли. Когда она была совсем малышкой и температура поднималась до тридцати девяти градусов, я не могла сдержать слез. В такие моменты я чувствую себя беспомощной, ведь единственное, на что мне остается надеяться – эффект от жаропонижающего сиропа.

Возвращаюсь на кухню и проверяю в аптечном ящике запасы лекарств. Хочется верить, что ничего принимать не потребуется и показатель термометра – ответная реакция детского организма на переизбыток солнечной энергии. На радостях, что Элина, наконец, к нам приехала, я и сама не заметила, как много времени мы провели в бассейне.

– Проходите! Вам сюда! – звонкий голос Элины опережает её появление. Молча тычет большими пальцами за спину и корчит мне рожицу. Что-то в духе «ВАУ» или я просто неверное понимаю её намеки. – Кхм. Проходите! Кстати, я Элина!

Задвигаю ящик с лекарствами, стараясь отогнать тревожное облако, уже поселившееся в груди.

– Мне нужна Лея Розова, – отвечает обладатель очень низкого голоса, а секундой позже появляется в широком проходе между кухней-гостиной и просторным коридором. Его профессиональный взгляд сосредотачивается на лестнице из сверкающего бело-серого мрамора, а потом совершает скорый прыжок на широкие белые плитуса между стенами и потолком. – Где она?

– Я здесь! – даю о себе знать полупшепотом. Знаю, на втором этаже нас не слышно, но когда Мари спит, я хожу на цыпочках даже во дворе. Привычка, наверное. – Здравствуйте! Прошу, проходите сюда. Ребенок спит наверху и лучше нам поговорить где-нибудь здесь.

Элина возвращается к островку, где оставила нарезку для бутербродов. Мужчина, в один миг заполнивший собой простор сердца нашего с Мари дома, смотрит на меня внимательно и очень вдумчиво.

– Михаил, верно? – уточняю на всякий случай. – Менеджер так и не отправила мне ваши контактные данные. Сказала только, что вы постараетесь приехать до двух. К вам такая очередь!

– Витан, – исправляет он, не сводя с меня карих глаз.

– Вас так зовут? – спрашивает Элина. – Какое красивое имя! Мужественное!

– Простите, Витан, – улыбаюсь ему, – наверное, я что-то перепутала. Спасибо, что вы смогли приехать до обеда. Моя дочь как раз только уснула и у нас будет время обсудить наш маленький проект.

– Но сначала, если вы, Витан, не против, – воркует Элина, – выпьете с нами кофе?

– Спасибо за предложение, – без тени улыбки отвечает мужчина, – но я приехал сюда не кофе пить.

– Верно, – теряюсь я на мгновение. Сразу видно, что человек ценит свое личное и рабочее время. – Менеджер фирмы, в которой вы работаете, очень рекомендовала вас. Увидев ваши работы на сайте, я пришла в настоящий восторг! Прошу, присаживайтесь, где вам будет удобно. Или вы желаете посмотреть на дерево, а уже потом выслушать мои пожелания?

Мужчина высокий. Метр девяносто точно есть. На вид ему не больше сорока. Короткие волосы цвета темного каштана на солнце, должно быть, отдают глубоким рубином. Но при

разношерстном свете помещения в них как будто запуталась самая черная ночь на земле. Во всяком случае, я всегда думаю о чем-то похожем, глядя на мягкие волосы дочери.

– Какое ещё дерево?

– Прошу прощения, вопрос и впрямь глупый! Выйдем во двор, – приглашаю его через раздвижные двери в гостиную. – Сами посмотрите на него и потом уже скажете мне, что можно из этого сделать.

– Что ты задумала? – спрашивает меня Элина, когда я открываю стеклянные двери. – А-а! Я поняла!

Мужчина поворачивает к ней голову, невольно демонстрируя мужественный и очень привлекательный профиль.

– Это же домик на дереве!

– Не кричи! – шикаю. – Это сюрприз.

– Витан, только постарайтесь сделать такой домик, чтобы и я в него могла залезть! – смеется подруга. – Мы с моей крестницей – лучшие подружки, так что ночевки в нем обеспечены! Главное, чтобы туда пролез удобный ортопедический матрас!

– Не слушайте её, – с трудом сдерживаю смех. Мужчина демонстрирует чрезвычайную серьезность и это выглядит слишком забавно на фоне хохотушки Элины. – Витан, прошу, проходите.

Окинув пространство кухни оценивающим взглядом, мужчина молча проходит мимо меня и только сейчас я замечаю, что он зашел в мой дом... в обуви.

– Это ещё что?! – шепчу Элине, вытаращив глаза. – Как невежливо!

– Симпатичный, – пожимает она плечами. – Но какой-то замороженный. А других проектировщиков домиков на дереве не нашлось?

– Этот – лучший! Видно же, настоящий профессионал! – отвечаю шепотом и выхожу на задний двор.

2

Мы стоим у единственного на участке дуба в полном молчании уже десять минут. Начинаю подозревать, что этот человек предпочитает работать в уме. Иначе как объяснить столь острый и вдумчивый взгляд, за которым точно кроется усиленная работа прокаченных знаниями извилин?

– Так и, что скажете? Дерево подходит для строительства домика?

Не хотелось бы нарушать ход его мыслей, но стоять вот так под палящим солнцем я больше не в силах.

– Нужны дополнительные опоры. Дерево молодое, ствол сильный, но ветви ещё дети. Им расти и расти.

– Вот как! Но ведь можно поставить на него домик? – Мужчина сосредоточенно смотрит на дерево, и в тишине уже господствует мое отчаяние. – Только не говорите, что ничего не получится?

– Ничего не получится, – отвечает он в ту же секунду и поворачивает ко мне голову. – Любая конструкция способна нанести вред дереву и деформировать его. И домик ждёт та же участь. Пустая трата времени и денег.

– Но я видела ваши работы на сайте и там был домик, который стоял на дереве шелковицы! А оно было чуть меньше нашего дуба!

– Только идиот построит деревянное сооружение на плодоносном дереве, которое из года в год объедают стаи гусениц.

Опешив больше от резкости его тона, нежели слов, я невольно обнимаю себя за плечи. Часто ли встретишь мужчину, который признает в себе идиота?

– Но ведь именно вы тот домик и построили.

– Я таким не занимаюсь, – отрезает Витан, скользнув темными глазами по моим рукам, ставшими мне щитом.

– Что ж... Должно быть, я снова что-то не так поняла... Я лишь хочу сказать, что моя дочь мечтает об этом домике и я хотела... Извините. Вы эксперт и, разумеется, знаете намного больше меня. Жаль, что к тому моменту, когда дерево достаточно окрепнет для постройки, моя дочь уже будет мечтать о первой машине или о том, чтобы как можно скорее жить отдельно от меня. В любом случае, спасибо, что приехали. Жаль только, что мы оба напрасно потратили время. – Я подавлена. Столько раз представляла, как Мари будет радостно прыгать и визжать при виде настоящего домика на дереве. И что же теперь? – Может, всё-таки выпьете кофе? У нас есть холодный лимонад и...

– Лея? – зовет меня Элина. Оглядываюсь на террасу, которая светится разноцветными огоньками по вечерам. Подруга протирает руки кухонным полотенцем и указывает на меня низкорослому мужчине с большой черной папкой руках. – К тебе тут... пришли.

Мужчина уверенно идет по тропинке, поправляя свою белую бейсболку. И чем скорее он приближается, тем шире становится его довольная улыбка, словно он явился сюда в самый нужный момент.

– Добрый день, Лея! – здоровается он со мной, а потом жмет руку Витану. – Хорошо, что супруг тоже здесь, поскольку, как показывает практика, без участия главы семейства в последствии могут возникнуть некоторые трудности. Что-то из ряда «почему так, а не вот так» и тогда приходится рассказывать, объяснять и конструировать с самого начала! Ну, вы, понимаете!

– Подождите, вы кто? – перебиваю его веселый тон. – Какой супруг? О чем вы?

– Прошу прощения, я не представился! Михаил. Я из «Детской мечты». У меня заявка по вашему адресу. Менеджер ведь предупредил вас о моем визите?

– Да, но...

– Вот и отлично! – возвращается он к прежнему тону. – Тогда приступим? Не будем зря терять время. Я так понимаю, это то самое дерево, где вы хотите...

– Помолчите, пожалуйста! – перебиваю снова, бросив предостерегающий взгляд на Витана. Выражение его лица ни капельки не изменилось. Всё такое же серьезное и холодное. – А вы откуда тогда приехали? Тоже из фирмы «Детская мечта»?

– Нет, – невозмутимо отвечает он. – Впервые слышу об этом месте.

Не знаю, почему, но я оглядываюсь. Смотрю на дом, на нашу с Мари крепость. Элина всё так же стоит на террасе и наблюдает за нами, поедая бутерброд.

– Я что-то совсем запуталась, – вырывается у меня нервный смешок. Провожу рукой по ещё не высохшим после душа волосам и снова смотрю в сосредоточенные на моем лице глаза цвета жаренного ореха. Скорее, подгоревшего. Такое ощущение, что я уже их где-то видела... – Тогда, кто вы такой и откуда вы знаете мое имя? И что вам здесь понадобилось?

– Думаю, этот разговор не нуждается в лишних свидетелях. По крайней мере тех, с кем ты познакомилась всего две минуты назад.

Резкий переход на «ты» подобен злой оплеухе. Уж не знаю, намеренно или нет, но этим наглым тоном и пугающе уверенным взглядом Витан стирает границу между нашими личными территориями.

– Михаил, – вдруг обращается он к ничего не понимающему мужчине, – на этом дереве невозможно построить даже домик для кукол. Любое на нем возведение опасно для жизни. Вы ведь это прекрасно понимаете, не так ли?

– Вообще-то...

– И потому, вы правильно сказали, не будем зря терять время, – не дает ему договорить Витан. Рядом с ним он похож на великана, который раздавит медведя и даже не заметит этого. – Всего хорошего.

– То есть вы отказываетесь от моих услуг?

– Совершенно верно, – терпеливо смотрит на него Витан. – Хорошего вам дня.

За этим странным разговором, где первенство определено выхватывает подозрительный тип, я не замечаю, как беспокойство махом оборачивается болезненной тревогой, скручивающей мой желудок. У меня пересыхает во рту, словно дальше меня ждет суший кошмар до конца моих дней. Что-то подобное я уже чувствовала когда-то, но в новых обстоятельствах, в которых я теперь мама, мне едва ли удастся устоять на собственных ногах. С тех пор, как родилась Мари, она единственное, что заботит, волнует, тревожит и радует меня.

Зло улыбаясь, Михаил фыркает и пятится назад. Он обходит дом, бросая насмешливые взгляды на мой скромный сад и зону отдыха с открытым бассейном. Что-то бормочет себе под нос и можно не сомневаться, что поливает он меня отнюдь не карамельными комплиментами. Впрочем, сейчас мне на его мнение наплевать, хотя видит бог, я стараюсь держаться подальше от любых конфликтов и оставлять о себе только приятное впечатление. Но этот Витан... Глядя на него, мне сию же секунду хочется поднять пушки, чтобы защитить самое ценное, что у меня есть.

– Ты кто такой? – спрашиваю, сбросив маску вежливости. – Откуда знаешь мое имя? И что за цирк устроил?

– Устроил его не я. Ты не дала мне и рта открыть, сразу повела к дереву, на котором хочешь угробить ребенка.

– Ты кто такой я спрашиваю? – повышаю голос, не сводя с него глаз. – Отвечай немедленно или я сейчас же вызову полицию!

– А что я такого сделал? – совершенно спокойно спрашивает этот тип. – Твоя подруга любезно пригласила меня в дом, а ты с радостью предложила мне выпить кофе. Ты приняла меня за другого, потому что любишь много говорить, как этот «специалист» Михаил, у которого не закрывается рот. Ты кажешься слишком доверчивой и наивной, но даже это не заты-

кает щели, из которых прет фонтаном твоя жажда наживы. В этом у меня сомнений не было. Ведь, как иначе объяснить тот факт, что ты так легко согласилась родить ребенка взамен на этот чудесный дом и весомый банковский счет?

Мое сердце останавливается, а потом начинает грохотать так, что тяжелые толчки ощущаются даже в горле.

– Прошу немедленно покинуть мой дом. Сейчас же.

– Сразу, как только ты расскажешь мне о последних месяцах жизни моего младшего брата, который оказался лакомым кусочком для студентки-официантки. И я передумал, с удовольствием выпью кофе, – заключает Витан и неспешно возвращается к дому.

3

Бутерброды, приготовленные Элиной, сложены в пирамиду. Белая тарелка с ними стоит в центре прямоугольного стола со сверкающим глянцевым покрытием, в котором отражается не только высокий потолок, но и лица присутствующих. Синие глаза моей подруги, что сидит во главе стола, ошарашено бегают из стороны в сторону, словно несколько минут назад она случайно разбила одну из моих любимых ваз, а теперь гадает, удалось ли ей тщательно замести следы своего преступления. Самозванец и я молча сидим друг напротив друга. Злая полуулыбка на его выразительных губах дает ясно понять, что именно он обо мне думает.

– Берите бутерброды, – осторожно предлагает нам Элина. – Вкусные получились.

Она хотела уйти в свою комнату, как только я сказала ей, кем этот мерзавец представился, посчитав, что нам есть о чем поговорить наедине. Но я попросила её остаться, потому что не сомневаюсь, что он лжет. Уж не знаю, что ему известно о наших делах с Янисом и откуда эта информация вообще взялась, но я не собираюсь оставаться с ним один на один. Этот Витан похож на снежную гору, вершина которой навсегда останется недостижимой. Ледяной взгляд просчитывающий, собирающий множество деталей, чтобы сложить из них что-то идеальное и подходящее исключительно под его видение мира картинку. Бескомпромиссность и упорство, с которым опасно соперничать, читается в острых чертах его сурового лица. Ничего общего с добросердечным и располагающим к себе Янисом. Какой к черту брат?

– Благодарю, я не голоден. Но я очень нуждаюсь в объяснениях, поскольку для меня стала полной неожиданностью новость о том, что мой младший брат, скончавшийся пять лет назад от опухоли головного мозга, оказывается обзавелся то ли семьей, то ли чем-то подобным, спрятал её у нас под носом, и поделился своим добротным имуществом с какой-то девицей, которая волшебным образом оказалась рядом с ним в сложный период его жизни. Есть идеи, варианты?

– Допивай свой кофе и катись к черту.

– Ты наверное отлично поешь, да? – оглядывает он меня. – И в эти волшебные песни Янис влюбился без оглядки. Думаешь, я самозванец?

– Я это знаю.

– А я знаю, что ты мошенница, – заявляет он с пугающей уверенностью, – которая однажды воспользовалась нестабильным эмоциональным состоянием моего брата и подтолкнула его к совершенно аморальным действиям.

– Что-что сделала? – не верю собственным ушам.

– Дай угадаю, как это было? Ты обслуживала его в том баре, где работала официанткой. Заметила его болезненный вид, слово за слово и вот он рассказывает тебе о своем диагнозе. Ты видишь, на какой машине он приехал, как дорого он одет и думаешь, а почему бы не пожалеть бедолагу? Поешь, поешь и вот, он вдруг изъявляет желание заделать этому миру ребенка, чтобы после него осталось целая маленькая большая жизнь. А этой жизни нужно расти, развиваться, учиться. Простая официантка двадцати двух лет, которую отчислили из университета, не потянет столько расходов. «Наверное, будет лучше, если всё, что я создал и заработал, отдам ей. Не семье, в которой есть родители, дяди и тети, не сиротам, не бездомным, не больным детям, а ей – официантке, которая с радостью родит от меня ребенка». Так думал Янис?

Я сейчас задохнусь. Паника заворачивается, как кромка разрушительной волны и затягивает меня в себя. Откуда ему известно о моем отчислении и кем я работала? Даже, если об этом поведал Янис, какого черта этот тип заявился сюда спустя пять лет?

– Неужели ты и впрямь думала, что у него нет семьи? Что у такого человека, с такими возможностями никого нет?

– Я и сейчас в этом не сомневаюсь. Иначе бы его родственники пришли оббивать пороги моего дома как минимум пять лет назад. Но что я вижу? Ко мне явился какой-то мужик, назы-

вающий себя старшим братом Яниса, которого вдруг оскорбил тот факт, что ему не достались его денежки. Пожалеть тебя? Дать платочек?

– Тут ты права, – усмехается он. – Я больше похож на одного из его друзей, которые, скажем, потерпели неудачу в бизнесе и очень нуждаются в деньгах. Почему бы не воспользоваться наивностью молодой девушки и не отжать у нее приличную сумму? Запугать её. Довести до ручки. – Мой желудок сейчас разорвется от ужаса. Элина наступает на мою ногу, будто говорит мне держаться. – Но видишь ли, я не один из его жалких дружков. Я его родной старший брат, – выговаривает он каждую букву. – И три дня назад в день его смерти мне пришло письмо, написанное рукой Яниса, в котором он рассказывает о тебе и вашей сделке: ты ему рожашь ребенка, а он обеспечивает тебя на всю оставшуюся жизнь.

Не могу в это поверить. Отказываюсь в это верить! Нервный смехок вырывается из меня, как перья в разорвавшейся подушке.

– Покажи мне это письмо, – говорю, оборонительно сложив руки.

– У меня его с собой нет.

– Разумеется! – усмехаюсь я, поерзав на стуле. – Пришел сюда качать свои права и забыл прихватить единственное доказательство своих слов.

– Доказательством моих слов служат факты о тебе и твоей жизни до встречи с моим братом. Откуда бы мне стало о них известно? Ты погрязла в проблемах. Тебе двадцать два, твой парень набрал на тебя кучу кредитов и смылся. Из университета тебя отчислили, потому что платить за учебу стало не чем. Тебя выселили из квартиры и ты слонялась по общежитиям, где жили твои сокурсницы и подруги, – смотрит он на обалдевшую Элину. – Так ведь было?

– Что тебе надо? – спрашиваю резко. Нападаю визуально. Набрасываюсь! – Чего ты хочешь? Денег, которые тебе не достались?

– Мне нужна справедливость. Я не переношу пресмыкающихся. Знаешь, кто это такие? Они палец о палец не ударят, но ведут себя так, будто не разгибая шеи работали днями и ночами. Они покупают дорогое жилье не за свои деньги. Машины. Путешествия. Даже домики на дереве. Потому что попросту не знают, как заработать их в достойном количестве. И потому они преуспевают во лжи. Готовы даже плодиться ради бумажек.

– Попридержи-ка свой язычок, мачо! – вспыхивает Элина. – Мне казалось, я видела многое, но чтобы...

– Ребенок! – заявляет Витан, будто в этой комнате есть только мы вдвоем. – Это всё, что мне нужно. Можешь оставить себе этот дом, машину, что стоит во дворе и всё то, что мой брат по глупости переписал на тебя. У вас ведь была сделка: ты ему ребенка, а он тебе свое состояние. Второе остается у тебя, а первое ты отдаешь его семье. Всё честно.

– Если ты сейчас же не уберешься из моего дома, я позвоню в полицию. Я тебя не знаю. Обманым путем ты втерся в мое доверие и оказался в моем доме, после чего стал нести чушь. Она меня пугает. Я понятия не имею, каковы твои помыслы и на что ты способен. Я мать-одиночка, которая пять лет назад забеременела с помощью ЭКО и это решение было осознанным. Кто ты такой – знать не знаю. Мое финансовое состояние, социальное положение и в принципе личная жизнь не твоего ума дело. Для меня ты не более, чем сумасшедший, сбежавший из психиатрической лечебницы, который почему-то возомнил себя родственником моего друга, который, к несчастью, умер. Так что засунь свои жалкие запугивания сам знаешь куда. Вали.

Оценивающий взгляд обрамляет недобрая ухмылка. Несколько минут назад я едва ли сбивала дрожь внутри, но стоило только услышать упоминание о Мари, как материнский инстинкт в одно мгновение оснастил мою оболочку острыми шпагами.

– Попробуй сказать хоть ещё одно слово о моей дочери, и останешься без глаз, – говорю угрожающим полусшепотом.

– Мамочка? – раздаётся сонный голосок Мари. Доспехи тут же слетают с меня, пламя ярости затухает под натиском самых прекрасных чувств, что я когда-либо испытывала. Обни-

мая своего замусоленного дельфина, Мари стоит в проходе и смотрит на всех нас нездоровыми глазками. – Мамочка, мне плохо.

Громко отодвинув стул, бросаюсь к ней. Падаю на колени, оглядываю побледневшее личико. Только собираюсь спросить, что именно её беспокоит, как у Мари начинается рвота. Убираю волосы за спинку и тихонько приговариваю, что всё хорошо, бояться нечего. Но малышка рвет и плачет, потому что ей страшно.

– Что мне сделать? – шепотом спрашивает Элина над моим ухом.

– Возьми большое полотенце из шкафа в гладильной, и просто накрой здесь всё, а я потом сама уберу. Мари очень горячая, – говорю, с тревогой глянув на подругу. – Вызову врача из клиники. Вдруг вирус какой-нибудь...

– Я сама всё уберу. А вы поднимайтесь!

– Мамочка, – хнычет Мари, прижимаясь ко мне. Она вся дрожит, жар её тела обжигает мне кожу. Стараюсь не впасть в то кошмарное состояние, когда не чувствую ничего, кроме полной беспомощности и непонимания, как помочь своему ребенку. – Мамочка, у меня болят пальчики. И ручки. И ножки.

Подхватываю её на руки и поворачиваюсь к перепуганной Элине.

– Вызови скорую, – прошу шепотом. – Скажи, что у ребенка высокая температура и рвота. Мы пока умоемся и переодеемся...

Тревога крадет слова. Целую малышку в волосы, прижимая её обессиленное тельце к себе. Каждый раз, когда она болеет, я мысленно задаюсь вопросом – почему она, а не я?

– Конечно! Не беспокойся! Я всё сделаю!

Иду к лестнице, осторожно, но быстро поднимаюсь по мраморным ступеням, приятно охлаждающим горячие ступни. И только, когда заносу Мари в свою в ванную комнату, вспоминаю, что совсем позабыла о наглom самозванце, который всё это время молча сидел за столом.

– Моя маленькая, – ласково шепчу ей, осторожно усаживая на стул. Отрываю пару тканевых салфеток из рулона, смачиваю их теплой водой и аккуратно протираю любимое личико. Мари отстраняется, нижняя губка вздрагивает. – Тебе плохо, солнышко?

– Я не хочу больше! – рыдает она и сквозь слезки смотрит на унитаз.

Ещё один приступ рвоты. Не могу не спросить снова: почему она, а не я?

* * *

– На море были? – спрашивает врач скорой помощи, после осмотра Мари. Жаропонижающее сработало быстро. Малышка быстро заснула, и мы спустились в гостиную. – Сегодня или вчера?

– Вчера, – отвечаю, беспокойно следя за движением шариковой ручки между её пальцами в белых перчатках. Женщина в ярко-синем медицинском костюме и маске на лице, бегло заполняет неведомый мне документ с данными Мари. – Но мы ничего и никогда не покупаем на пляже. Еду всегда берем с собой.

– Вы не первые с подобными симптомами. Прошлым летом было то же самое: резкое повышение температуры, тошнота, рвота, сыпь на коже. В основном заражаются дети. Вчера как раз были на вызове по тому же поводу. Через пару улиц от вашей. Отец с дочерью рано утром пошли на пляж, а уже к обеду оба слегли. Вы себя как чувствуете?

– Обыкновенно. Нормально.

– Для профилактики пропейте вот этот порошок, – записывает она название и дозировку на серой бумажке. А потом смотрит на Элину рядом со мной и хмурого мужчину, который всё ещё находится в моем доме. Подняв одну бровь, женщина добавляет: – Пропейте вы все. Хуже не будет. А если всё же почувствуете недомогание, тогда следуйте вот этому перечню.

– Как долго это будет продолжаться? – спрашиваю, переминаясь с ноги на ногу.

– Обычно на второй день рвота и температура проходят. В любом случае, если будете видеть, что ребенку становится хуже, вызывайте скорую. Обильное питье, свежий воздух и крепкий сон – лучшее лекарство от любых болезней.

– Теперь и на пляж опасно ходить, – озвучивает Элина мои мысли.

– Это не так. Вирусы есть везде. Но сегодня они здесь, а завтра они где-то там. Возьмите, – вручает мне письменные рекомендации. – Советую сварить куриный бульон. Когда девочке станет лучше, она обязательно захочет поесть. И пусть это будет что-то легкое для ослабленного желудка.

– Да, конечно. Так и сделаю. Большое спасибо.

– Я проведу вас, – говорит Элина и указывает мне глазами на Витана. Мол, пора бы уже с ним что-то решать.

Мой затылок горит огнем, чувствую на себе испепеляющий взгляд темных и безжалостных глаз. Но, когда разворачиваюсь к наглому подлецу, возмнившему о себе не бог весть что, он смотрит на меня в подозрительно-молчаливом спокойствии. Подперев правой рукой квадратный подбородок, он продолжает анализировать меня, совершая записи исключительно в своей голове. Широкий кожаный ремешок серебристых часов идеально облегает запястье правой руки, и к беспокойству о дочери снова примешивается это угнетающее всю меня чувство скорейших перемен.

– Уходи, – говорю тихо, но не менее угрожающе. – Немедленно.

– Понимаю, – говорит он низким голосом, не убирая руки от лица, – тема серьезная, а время неподходящее.

– Подходящего никогда не будет.

Витан вскидывает широкие брови, будто я говорю полную чепуху, и неспешно поднимается на ноги. Поджав губы, он обводит сканирующим взглядом большую, но уютную кухню, потом гостиную в песочных тонах, светлые деревянные стулья за обеденным столом... Кажется, будто он представляет, как проходит каждый наш день в этом доме. Как мы завтракаем, смеемся, смотрим кино и мультфильмы, как печем пироги и наряжаем ёлку к новогодним праздникам. По правде говоря, ещё чуть-чуть и меня стошнит от ужаса.

– Я заеду через пару дней. Надеюсь, к тому времени твоя дочь поправится, потому что я очень хочу познакомиться с ней. А нам с тобой нужно поговорить.

– Ты не приедешь сюда больше, – отвечаю, не боясь смотреть ему в глаза. – И знакомиться с моей дочерью не будешь. Ты чужак. И я имею полное право написать заявление в полицию, поскольку считаю, что неизвестный мне человек представляет опасность для нас с дочерью. Я не знаю, что ему нужно от нас. Я вижу его впервые. И нас с ним совершенно точно ничего не связывает.

– С тобой нет. А с Мари – да. Мы родственники. Так что, не такой уж я и чужак. А ещё у нее есть бабушка и дедушка, которые прилетят сюда первым же рейсом, как только узнают о её существовании. Как и другие родственники, а их очень много. Не думаю, что ты будешь счастлива, когда все они заявятся сюда. Поэтому перестань разбрасываться дешевыми угрозами и побереги свое и мое личное время.

– Никакой ты ей не родственник! Ты никто!

– До встречи, Лея, – усмехается Витан и невозмутимо покидает мой дом.

4

Эту ночь я провожу в комнате Мари и несколько часов подряд тарашусь на россыпь неоновых звезд на потолке. Чтобы наклеить их, понадобился целый день. Моя малышка рисовала в своем толстом альбоме цветы и с восторгом смотрела, как я взбиралась на стремянку и лепила всю эту красоту.

Дядя. Какой к черту дядя? Бабушка и дедушка! Родственники! Откуда, если Янис заверил меня, что у него почти никого не осталось? Те, кто есть, живут в Европе, а связь с ними он не поддерживает. Не поддерживал.

– Странно всё это, – говорит Элина за завтраком. Вчера мы почти не обсуждали произошедшее, поскольку обе, как глупые подопытные мыши, попали в тупик, и не понимали, как из него выбраться. Мы даже и не поужинали толком. – Какой-то старший брат Яниса явился сюда, спустя пять лет? Брат, о котором он ничего тебе не рассказывал? Через пять лет? – повторяет она одно и то же, потому что, черт возьми, всё это действительно не укладывается в голове. – Ты веришь в существование какого-то письма?

– Я не верю, что Янис мог так поступить со мной, – отвечаю, размешивая сахар в кружке с чаем. – Мы хоть и были знакомы всего ничего, но стали близки друг другу. Если этот Витан и впрямь его брат, тогда почему за все те десять месяцев, что мы провели вместе, Янис ни разу не упомянул о нем?

– Значит никакого брата у него не было и нет. Или, – смотрит на меня Элина, – Янис был превосходным лжецом.

– Нет, – отрицательно качаю головой. – Он не мог так поступить со мной. Янис болел и знал, к чему всё шло... Зачем бы ему это делать?

– Но тогда откуда же Витан знает о тебе? Что тебя отчислили за неуплату. Что ты осталась без крыши над головой и скиталась из одной общаги в другую! – Голос Элины срывается. Виноватый взгляд замирает на моем лице. – Извини меня.

Делаю вид, что мне не горячо, не холодно. Но по правде, я ненавижу, когда даже жалкие обрывки тех мрачных и постыдных для меня дней всплывают в памяти.

– У него часы на правой руке.

– Что? – не понимает меня подруга.

– Янис носил часы на правой руке. Однажды я спросила, почему? Ведь принято носить на левой вроде как. А он ответил, что правая рука – главная. Она пишет, перелистывает страницы, наносит удары и совершает множество других действий. Разве она не заслужила полезное украшение?

– Ясно. Так и к чему это?

– К тому, что Витан тоже носит часы на правой руке.

– Ну, – усмехается Элина, – это не показатель их родственных связей. Но я понимаю, почему твой взгляд подмечает такие детали. Ты вроде и уверена в честности Яниса, но в то же время не можешь оставить без внимания имеющую место быть вероятность обратного.

Поднимаю лицо навстречу слабому утреннему ветерку. До вчерашнего дня завтраки на террасе делали меня ещё счастливее, чем я есть. А теперь это просто крепкий кофе с видом на густой зеленый газон, который нужно подстричь через пару дней. Поганое настроение не позволяет насладиться привычной красотой.

– Между нами с Янисом были отношения, которых я никогда не могла себе и представить. Сначала на бумаге, – вспоминаю ту себя, у которой почти не осталось иного выхода. Недоверчивая, раздавленная и не видящая солнца впереди, я рискнула спрыгнуть с высокой скалы в глубокое и ледяное море. А оно оказалось теплее объятий родных стен. – А потом вот так – вживую. Глаза в глаза, – смотрю на Элину. – Мы стали настоящими друзьями в условиях

чрезвычайно ограниченного времени, но с огромнейшим списком целей и задач. Я даже не помню, в какой момент времени все эти формальности перестали иметь значение лично для меня. Черт возьми, мы так много говорили обо всем на свете! – не выдерживаю натиска собственных мыслей. Выхожу из-за стола и прижимаюсь животом к деревянному ограждению, по которому изящно плетется пышная красавица роза. – Если бы у него была семья, родители, брат, разве он не сказал бы мне? Ведь это важно! Я носила под сердцем его ребенка и он не сообщил бы мне об этом?

– И свалился же этот тип на наши головы! – вздыхает Элина.

– Я всю ночь не спала. Пыталась найти объяснение пугающей информированности этого... «брата», но всё действительно сводится к тому, что это «заслуга» Яниса. Если Витан и правда его брат, который хочет познакомиться с племянницей... – Мне совсем не нравится, как это звучит. Моментально застревают ком в горле, клыки заостряются, как у вампира. – Тогда это желание объясняет его молчание, продлившееся почти пять лет. В таком случае, Витан и впрямь только на днях узнал о нас с Мари.

– Но от кого узнал, если Яниса нет?

– Понятия не имею. Может, какой-нибудь друг помог или... Черт! – Мои пальцы больно впиваются в плечи. – Почему он не рассказал мне о своей семье? Сколько же мы говорили, сколько гуляли и трещали без умолку, а он... – Поворачиваюсь к Элине. Смесь тоски и разочарования оседают в душе. – Почему же он не рассказал мне?

– Тогда ответь на тот же вопрос. – Подруга склоняет на бок голову и яркие завитушки падают на её бронзовое лицо. – Почему ты не рассказала ему о своей семье?

– Это не одно и то же, – тут же отворачиваюсь. – У меня-то её действительно не было.

– Но она была, Лея. И есть до сих пор. Очевидно, как и у Яниса.

– Давай, не об этом!

Элина терпеливо вздыхает.

– Ты пробовала найти Витана в Интернете?

– Разумеется, – отвечаю сквозь зубы.

– И-и?

– Если они с Янисом родные братья, значит фамилия у них одна. Либо Витан Миллер никогда не регистрировался ни в одной социальной сети, либо у него другая фамилия, а это значит, что я потратила целую ночь своей жизни на бессмысленные поиски, бессмысленные убеждения и слишком тревожные мысли, потому что на моих нервах решил поиграть настоящий мошенник! Правда... Попадались огромные статьи о каких-то зданиях... Я только глазами пробегала, потому что там всё очень заумным языком написано. И этот архитектор Витан Миллер.

– Но ты ведь не считаешь его мошенником, – говорит Элина после продолжительного молчания. – Обидно, конечно, что с такой привлекательной внешностью, он совершенно не располагает к себе. По правде говоря, Витан отталкивающий. И я была в ужасе, когда ты заявила, что выцарапаешь ему глаза. Не сомневаюсь, что ты любому наваляешь, кто посмеет приблизиться к Мари, но до этого хулигана нужно ещё допрыгнуть! – Бросив взгляд через плечо, встречаюсь с доброй улыбкой заостренных губ. – Знаю, ты рада, что я здесь.

– Читаешь мысли, – соглашаюсь.

– А они с Янисом похожи?

– Сложно сказать. Когда мы познакомились, он уже выглядел нездоровым. Но он тоже был высоким, темноволосым, кареглазым.

– А фотографии? Ты видела, каким был Янис до болезни?

– Нет. Я не изъявляла желания, потому что не хотела, чтобы он сравнивал себя прошлого и настоящего. Я видела, что он был очень одинок. И чем скорее увеличивался мой живот, тем глубже становилась печаль в его глазах. Он как будто испытывал тоску вовсе не по своей

привычной жизни, в которой дорогой алкоголь и деньги лились рекой. Его угнетало что-то совсем другое.

– И тебя это не насторожило?

– С чего бы? И моя душа в тот период переживала не самые лучшие времена. Да и я уже была беременна. Этот дом официально стал моим, а все пункты нашего договора Янис выполнил раньше установленных сроков. Мы много общались, гуляли по пляжу, смеялись... Нам было очень хорошо вдвоем. Янис всё время называл меня «пузатой мамочкой», – улыбаюсь воспоминаниям. – «О-хо-хо! Сегодня пузатая мамочка стала ещё больше! Надо срочно купить огромные хозяйственные весы, а то домашние скоро треснут!» – смеюсь я, смахнув одинокую слезинку. – У меня не оставалось повода сомневаться в нем. Мне было очень хорошо с ним.

Элина снова вздыхает и становится рядом. Ещё только утро, а солнце уже поджаривает волоски на коже рук. Разговор о Янисе перенес меня в прошлое, в котором со мной случилось настоящее чудо. Именно он стал им для меня. Даже сейчас мне становится страшно от мысли, что в ту ночь, когда я выслушала его странное предложение, я могла сделать иной выбор. Что со мной было бы сейчас, окажись я тогда не такой смелой?

– Этот разговор расстроил тебя, – констатирует Элина, легонько подтолкнув меня плечом. – О чем ты думаешь?

– О том, что даже если этот Витан и впрямь родной брат Яниса, о котором он мне не сообщил, для меня это не имеет никакого значения. Я до конца своих дней буду благодарна Янису за всё, что он сделал для незнакомки в баре, которая слишком громко рыдала в женском туалете. Если он последние месяцы своей жизни посвятил ей, а не семье, значит на то была веская причина. В любом случае, нас с Мари это не касается. Она носит мою фамилию, а в свидетельстве о рождении нет никаких данных об отце. Янис сам настоял на этом, чтобы мы могли спокойно путешествовать по миру, а я не бегала по нотариусам и прочим конторам за всякими разрешениями. Он всегда хотел максимально упростить нашу жизнь, и я ничуть не сомневалась в искренности его намерений.

– Возможно, что это не единственный аргумент, почему он был «за» прочерк в графе «отец», – задумчиво говорит Элина. – Ты ведь помнишь, что Витан сказал вчера...

– Да, – перебиваю, устремляя воинственный взгляд вперед. – И это тоже стало причиной моей бессонницы. У него нет никаких прав на Мари. Ни у кого, черт возьми, – поджимаю губы. – Я её мама. Я единственный родитель. Для Яниса было важно само появление его ребенка на свет, а не формальности. Поэтому пусть засунет в задницу свои нелепые хотелки. И вообще, хватит уже об этом, согласна? Ты здесь уже второй день, а мы всё ещё говорим о моей жизни. Расскажи мне, как твои дела на работе? Куда поедешь после отпуска?

– Лея, – улыбается Элина, проведя рукой по моим распущенным волосам, – у меня всё, как всегда. А вот у тебя действительно появились горячие новости. Даже, если мы заговорим обо мне, ты всё равно будешь продолжать думать об этой ситуации с братом Яниса. Я видела его сегодня.

Вытираю глаза. Мне становится дурно, что этот тип может прямо сейчас ошиваться в нашей округе.

– Я решила пробежаться около шести. Добежала до набережной, купила мороженое и села на лавочку, чтобы полюбоваться пришвартованными яхтами. Как вдруг на дороге останавливается машина скорой помощи и из нее выходит врач, который вчера была у нас. Я её по обуви узнала. Розовые в белый горошек кроксы. Она и какой-то мужчина поднялись на яхту с величественным названием «Черный бриллиант», а спустя минут двадцать сошли на пирс. Оказывается, наш новый знакомый живет на той яхте и ему нездоровится. Подцепил этот здешний вирус.

– «Живет на яхте»?

– Ага. А я думала, что у таких шишек есть свои личные врачи. Я вот, что подумала, если он живет на яхте, значит он не отсюда и приехал сюда на время...

– Прощу, давай поговорим о чем-нибудь другом! – возвращаюсь к столу, испытывая усталость от этого разговора. Вдруг вижу сонную, но улыбающуюся мордашку, торчащую между открытыми стеклянными дверцами. Волосы взлохмачены, на щечке красное пятнышко. – Солнышко! Ты проснулась! Как ты себя чувствуешь?

Мари обнимает меня, а я так сильно прижимаю её к себе, будто боюсь, что вот-вот и её у меня вырвут из рук.

– Можно мне овсяную печеньку? – шепчет мне на ухо.

– Только если угостишь ею меня.

5

Возвращаюсь домой по узкой дороге, возвышающейся над солнечным побережьем, точно изящная стрелка на женском веке. С каждой минутой она спускается всё ниже и у крутого зеленого холма разветвляется натрое. Я окажусь дома быстрее, если сверну направо. Дорога ведет напрямик к нашему поселку, но перед этим нужно пережить продолжительный серпантин. Повороты здесь настолько крутые, что приходится совершать полную остановку для разворота, а это значительно увеличивает время в пути и изрядно укачивает пассажиров. Зато эта дорога намного быстрее, нежели та, что тянется вдоль всего Бриллиантового побережья. Да, выбрав её, можно долго любоваться сверкающим в вечерних лучах уходящего солнца ласковым морем и блеском роскошных и отполированных яхт миллиардеров. Одни швартуются у набережной, где летом гуляют толпы туристов, а для тех, кому важна уединенность, бросают якоря подальше и приплывают к берегу на небольших катерах. Но загвоздка в том, что движение на этой дороге слишком медленное, поскольку желающих прогуляться и просто поглазеть на одну из самых роскошных частей популярного курортного городка слишком много, и оттого тут постоянно образуются пробки из-за нелепых аварий. Картинки, словно вырванные из глянцевого издания, буквально ослепляют наивных зевак. В погоне за счастьем, тем самым, что встречается на страницах наивных историй любви, юные девушки облачаются в свои самые соблазнительные наряды и гуляют туда-сюда в надежде, что именно здесь на Бриллиантовом побережье они повстречают своего принца. Богатого, разумеется. И потому у несчастных водителей разбегаются глаза: то ли любоваться загорелыми красотками с ногами от ушей, то ли дорогими автомобилями, некоторые из которых словно выкрали из фантастических фильмов. А ещё эти яхты! Пять лет назад я и сама была в числе этих зевак. Теплыми весенними вечерами мы с Янисом приезжали на набережную богачей и пешком проходили от одного её конца к другому. А потом он уже не мог осилить такое расстояние и мы ограничивались прогулками по пляжу, до которого от дома рукой подать.

Меняю привычный маршрут и колеса моей машины ласкают плавный спуск к многолюдной туристической зоне. Через дорогу от выстроившихся в ряд яхт и элитных автомобилей на протяженной стоянке шумят дорогие бары, рестораны и бутики самых известных брендов. Я знаю, почему поехала этой дорогой, но не до конца понимаю, что именно собираюсь делать. Мне совсем не хочется провести очередную ночь в тревожных раздумьях и, глядя на дочь, испытывать непреодолимое желание затеряться с ней где-нибудь на другом конце земли. Разумеется, это лишь мои фантазии, порожденные стрессом. Никто не сможет причинить нам вреда. Ни с юридической стороны и ни с какой-либо другой. Однако меня не оставляет в покое заявление Витана, который почему-то считает, что я должна его семье не абы что, а собственную дочь!

Крепче сжимаю руль, не давая этой поганой мыслишке развиваться. Заезжаю в освободившийся парковочный карман и нажимаю на кнопку, чтобы поднялась крыша. Перекинув через плечо ремешок от кожаной сумки, перебегаю дорогу в неположенном месте, слыша вслед не только громкие звуки клаксонов, но и продолжительный свист.

Деревянный настил всей пешеходной зоны и необычные квадратные фонари значительно удорожают общий вид набережной. Вечерами здесь особенно волшебны даже, когда вокруг очень много людей. Иду вдоль пришвартованных яхт и ищу нужное мне название. Одна больше другой, у некоторых стоит охрана в виде одного-двух мужчин, ростом с телефонную вышку. И только, миновав добрую половину протяженной набережной, обнаруживаю нужное мне судно. Название и впрямь подходит. Белый корпус яхты разбавляют черные отражающие свет глянцевые стекла. Подхожу ближе, обрадовавшись, что не придется объясняться с каким-нибудь громилой, но стоит мне только приблизиться к трапу, как по нему уже спускается мужчина.

Благо хоть внешность у него не угрожающая. Разве что рост внушительный и... мышцы. И он лысый... Нет, очень даже недобрая внешность.

– Добрый вечер, – здороваюсь он, загордив мне путь. – Вынужден попросить вас уйти, поскольку это частная территория, а владелец сегодня не ждет гостей.

– Да, здравствуйте, – окидываю его терпеливым взглядом. – Я в курсе, что простому смертному непозволительно приближаться к этому судну. Но мне нужно поговорить с его владельцем, поэтому, если мне запрещено подниматься на борт, передайте ему, чтобы соизволил сам ко мне спуститься.

– Я вынужден попросить вас уйти.

Мое терпение на исходе. Вчера я радушно впустила наглого лжеца в свой дом, а сегодня его непробиваемый пес с обманчивой внешностью пытается выставить меня вон.

– Мне нужен Витан, – требую, расправив плечи. – Сейчас же.

– Как мне вас представить?

Наконец-то! Значит имя этого придурка – пароль к разблокировке кода в перекаченном мозгу секьюрити.

– Лея.

– Ждите здесь.

Мужчина возвращается на борт, а секундой позже появляется лысая голова ещё одного громилы. Жду, что он поздоровается со мной, но черта с два он собирается проявить вежливость. Просто стоит там наверху и тупо смотрит на меня. Пафосный болван поселился на яхте и обложил себя охраной, будто он та ещё шишка! Фильмов про опасных наркодиллеров пересмотрел что ли? Стою пять минут, десять. Кретин нарочно испытывает мое терпение.

– Можете подниматься на борт! – сообщает мужчина, не соизволив даже спуститься. – Идите за мной.

Молча следуя по пятам, скрывая свое изумление за маской холодности. Да здесь же охренеть, как роскошно! Настил из темного дерева подсвечивается крошечными, но яркими огоньками. Спешу за мужчиной и успеваю заметить свое удивление в отражении темного остекления. Поднимаемся на верхнюю палубу по изящной закругленной лестнице, а в этот момент на соседней яхте, что стоит на максимально близком расстоянии, загорелая брюнетка в бикини громко смеется, когда её кавалер лет семидесяти пытается станцевать ча-ча-ча. Вот так забавы у богатей. И навряд ли он её дедушка.

– Сюда. Присаживайтесь, – говорит мне мужчина.

Друг напротив друга стоят два одинаковых диванчика с темно-синей обивкой. Странно, что не черной. Между ними два квадратных столика, на одном лежит закрытый MacBook и большой блокнот на пружине. Вид на роскошные апартаменты скрывают широкие дверцы из темного стекла.

– Поторопите его, пожалуйста, – говорю, чувствуя себя совершенно неуютно. – У меня не так много времени, как он думает.

И снова промолчав, мужчина исчезает из виду. Не так я себе представляла яхту, на которой живет возможный брат Яниса. Чтобы владеть такой роскошью, мало быть чрезвычайно обеспеченным человеком. Не говоря уже о том, чтобы её обслуживать. Сохранять спокойствие становится всё сложнее, ведь теперь я наглядно вижу вес этого Витана. Даже если он арендует эту яхту, денег у него немало, что в свою очередь дает ему возможность воспользоваться услугами самых лучших адвокатов... Тьфу-тьфу-тьфу, да о чем это я? Никто не посмеет отнять у меня мою дочь. Никто! Какой смысл накручивать себя и рисовать проблемы, которых нет и быть просто не может?

Сажусь на мягкий диван с невысокой спинкой и смотрю на пешеходную зону с высоты третьего этажа. Или с четвертого... Представляю, как Мари и Элина играют сейчас в куклы или смотрят мультфильмы, развалившись на диване в гостиной. Пытаюсь убедить себя, что

не зря приехала сюда, но ожидание затягивается, усиливая напряжение. Внезапно темные дверцы разъезжаются, и на улицу выходит Витан. Держит сотовый у уха, с усталой внимательностью слушая своего собеседника. Темные волосы на макушке торчат, словно он только что из постели. На нем широкие серые штаны и свободная черная футболка. Не думаю, что это его домашний стиль. Просто в свободной одежде болеть удобнее.

Витан садится напротив и, закрыв глаза, ставит локоть на мягкий подлокотник, продолжая держать телефон. Нарочно игнорирует меня, демонстрирует занятость. Руки так и чешутся громко хлопнуть в ладоши, но я терпеливо жду, когда телефонный разговор подойдет к завершению. В конце концов, я рассчитываю на результативный разговор и мне необходимо очень постараться держать себя в руках.

– Я понял, – говорит, плавно поднимая веки, – значит, демонтируйте. – Глаза устало, но по-прежнему задумчиво движутся по деревянной поверхности столика, и я понимаю, что уже видела это их настроение. В сочетании с бледно-желтоватым цветом лица, нездоровые темные глаза так явно напоминают о Янисе... – Завтра. Остальное завтра! – говорит нетерпеливо и отключается.

Мне становится жаль того, кто был на другом конце провода. Положив телефон на стол рядом с ноутбуком, и оставив в стороне приветствия, Витан спрашивает:

– Как ты нашла меня?

– Спросила у стеклянного шара. Вижу, тебе нездоровится.

– Вижу, ты прямо-таки лопаешься от радости.

– Злорадство мне не свойственно.

– Ближе к делу.

– Не будь ты так занят, – смотрю на его телефон, – меня бы уже давно здесь не было.

– Можно подумать, мы договаривались о встрече, и ты пришла вовремя, а я заставил тебя ждать.

– Ты заставил меня ждать, – констатирую, укоризненно взметнув бровь. – Покажи мне письмо, которое, как ты утверждаешь, написал тебе Янис.

– Я же сказал, у меня его нет.

– А у кого оно есть?

Витан упрямо и непоколебимо смотрит в мои глаза, в то время, как мои совершают самостоятельное путешествие по нижней части его лица. Трехдневная щетина, как и вчера, выглядит ухоженной, чего не скажешь о шевелюре. Впрочем... в сочетании с коротко стриженными висками, под которыми кожа намного светлее, от этого мужчины так и фонит предательской сексуальностью.

– Письмо я сжег, Лея. Когда узнал, что моего брата развела молоденькая официантка, я едва ли хотел его перечитывать.

– И тем не менее, ты тут же отправился на её поиски.

– Я не тебя искал, – говорит с вызовом, а мои кулаки сжимаются. – Как Мари себя чувствует?

– А у старших братьев так принято, да? Оставлять младших один на один с тяжелой болезнью? Наверное, ты и твоя семья были очень заняты телефонными разговорами, раз свои последние месяцы жизни Янис провел в компании «молоденькой официантки»?

Взгляд темных глаз ожесточается, моментально превратив в осколки всякие сомнения относительно кровных связей между Янисом и Витаном. Медленное движение крыльев греческого носа будто предостерегают меня от дальнейших высказываний. Интересно, как долго он сможет продемонстрировать фальшивое спокойствие, за которым скрывается акуля злоба?

– Так и как себя чувствует Мари? – повторяет вопрос леденящим душу тоном. Ужас заключается в том, что его низкий голос похож на рычание целой стаи волков, испытывающих тоску по кровавым схваткам. – Ты рассказала ей обо мне?

– И не подумаю, пока ты не покажешь мне письмо, которое якобы написал тебе Янис.

– Ты и без него знаешь, что мы братья. В ином случае, ты бы не рискнула заявиться на яхту к мужчине и обсуждать варианты передачи ему своей дочери.

Мои глаза лезут на лоб. Хладнокровность, с которой он говорит эти жуткие слова, поражает меня до дрожи.

– Ты кто такой? – оглядываю его, чувствуя огонь в ладонях. – Мари моя дочь! Моя! Ты никто и звать тебя никак! Потому что если бы ты хоть что-то из себя представлял, хоть что-то значил для Яниса, ему бы не пришлось скрывать от меня твое существование! Потому что первое, что он рассказал мне о себе: «Меня зовут Янис. Мне тридцать два и скоро я умру. У меня нет семьи. Нет братьев, нет сестер». Он сказал это без тени сомнения. И за те одиннадцать месяцев, что мы провели вместе, я ни разу не допустила мысли, что это может быть неправдой. Поэтому, – поднимаюсь на ноги и поправляю ремешок сумки, – ни ты, ни твоя семья не имеете никакого отношения к нам с Мари.

– В ней течет наша кровь.

– Правда что ли? – улыбаюсь. – С чего ты это взял? Из какого-то неведомого письма, отправленного не пойми кем? Я сделала ЭКО. У моей дочери моя фамилия и я единственный её родитель.

– Ты ещё скажи, что донора спермы выбирала из каталога.

– Им пожелал стать мой добрый друг, который, как я теперь понимаю, сделал всё, чтобы с юридической стороны к нам с дочерью не подобралась ни одна сволочь. Потому что, если бы «дядя» действительно желал добра своей «племяннице» и хотел познакомиться с ней, он точно не стал бы говорить о ней, как о бесчувственном предмете какого-то неведомого договора, который одна сторона, то есть, я, должна передать другой стороне, то есть, тебе. Не смей больше появляться в моем доме. Заводи двигатель и убирайся отсюда подальше!

– Без проблем. Сразу, как только ты выполнишь оставшееся условие договора, который всё же имеет место быть. Видишь ли, то, что ты забеременела с помощью ЭКО не делает из тебя мать-героиню и не наделяет статусом неприкосновенности. Ведь ты пошла на это не потому, что отчаялась встретить лучшего мужчину на земле и создать с ним крепкую и большую семью. В двадцать-то два года! – усмехается злостно. – В двадцать два современные девушки озабочены другими проблемами. Их волнует собственная независимость, идеальная внешность, правильное окружение и количество просмотров постановочных фотографий. Их заботит здесь и сейчас с достойной перспективой на будущее, но уж точно не рождение детей. И ты не исключение, Лея. Ты согласилась родить ребенка мужчине, с которым познакомилась в баре. И согласилась на это, узнав, что он тяжело болен и жить ему осталось совсем немного. Ты согласилась, когда узнала, что получишь взамен. Каких бы обещаний тебе не дал Янис, они ничего не стоят. И не потому, что он не держит слово. В этом-то он как раз преуспел. Тебе не стоит бороться за то, что давно тебе не принадлежит. Ты получила свое, Лея. Ты живешь у моря, у тебя роскошный дом, счет в банке. Беззаботно кури бамбук до конца своих дней. Ты заслужила, – говорит мерзавец таким тоном, словно перед ним идиотка. – А теперь верни то, что принадлежит...

Кретин затыкается, как только моя ладонь оставляет на его щеке алый отпечаток. Я задыхаюсь от гнева. Меня бьет дрожь, зубы с силой прикусывают внутреннюю сторону щек, но боли совсем не ощущаю. Витан медленно проводит ладонью по месту удара и скалится в опасной ухмылке, словно такого поворота событий он точно не ожидал.

– В следующий раз это будут твои глаза, – шепчу угрожающе и спешно покидаю «Черный бриллиант».

* * *

Уложив маленький ярко-желтый чемодан, закрываю крышку багажника и смотрю, как моя малышка радостно бежит ко мне с лучезарной улыбкой. Наклоняюсь и развожу руки в стороны, чтобы подхватить её, и закружить в крепких объятиях.

– Мамочка! – хохочет она. – Ты раздавишь меня!

– Ну, всё, милая! – командует Элина, забросив свою сумку на задний ряд сидений. – Нам пора выдвигаться. Нужно успеть уехать до дождя.

Мари прижимается ко мне и сдавливая шею маленькими ручонками. Из всех сил стараюсь не разрыдаться, потому что ещё никогда мы не расставались на несколько дней. Я будто собственноручно отрываю от себя внушительный кусок плоти.

– Слушайся Элину, хорошо?

– Хорошо.

– И всегда держи её за руку, поняла?

– Да, мамочка. – Малышка целует меня и шепчет на ухо, будто секрет: – Мои желания начинают сбываться. Сначала Элина приехала, а теперь я еду в дельфинарий! Может, и папа скоро вернется?

Час от часу не легче, ей-богу. Заметив мой безнадежный взгляд, Элина забирает Мари и усаживает её в детское кресло. Хочу сама пристегнуть все ремни, но подруга становится так, что мне её не подвинуть.

– Видишь, – говорит мне с улыбкой, – я всё сделала правильно.

– Если что, я подскажу! – смеется Мари, доставая из рюкзака красочный журнал с персонажами любимых мультфильмов.

Наклоняюсь к Мари и оставляю ещё один поцелуй на её нежной щечке.

– Люблю тебя, солнышко.

– И я тебя, мамочка.

– Повеселись там от души. Но будь осторожна!

– Хорошо.

Мне и целой жизни не хватит на нее наглядеться. Закрыв дверцу, поворачиваюсь к подруге. Она улыбается, наверняка считает, что я делаю из мухи слона. И я не обижаюсь, ведь она просто ещё не знает, что значит быть мамой.

– Пожалуйста, будьте осторожны. Звоните мне в любое время дня и ночи. И фотографии отправляй!

– Лея, – смотрит она в мои глаза, – всё будет хорошо. Мы уезжаем всего-то на пару дней и ты сама этого хотела. Мы чудесно проведем время, насчет нас можешь не волноваться.

– Мне жутко неудобно перед тобой. Ты только приехала, а теперь снова уезжаешь.

– Я уезжаю в соседний город! – смеется Элина. – Это всего-то сто пятьдесят километров от тебя. Перестань накручивать себя почему зря. Если ты считаешь, что так будет лучше, значит так оно и есть. Да и полное одиночество тебе не помешает. Нас не будет всего два дня, – напоминает снова. – Отложи работу на потом и развлекись, мамочка.

Ну, да, самое время для развлечений. Вчера я вlepила пощечину мужчине, который прямо заявляет, что собирается присвоить себе мою дочь. Он приплыл сюда бог знает откуда на своей роскошной яхте, которая стоит целое состояние. Да, я до сих пор под впечатлением и оттого мне боязно, что человек с таким размахом определенно предпочитает всегда оставаться победителем.

Когда моя машина скрывается за поворотом, я, подставив побитой собаке, возвращаюсь в молчаливый дом. Сажусь на диван в гостиной, продолжая убеждать себя, что поступила правильно, отправив Мари подальше отсюда. Пусть всего-то на пару дней, но возможно мне пове-

зет и в следующий раз, когда брат Яниса заявится сюда снова, мне удастся вразумить его и сделать так, чтобы он навсегда оставил нас в покое. Правда, я совсем не знаю, как это сделать. И я не знаю, почему Янис так подло поступил со мной! Если он не общался со своей семьей и не говорил им о желании стать отцом, тогда почему сообщил брату о Мари, спустя пять лет после её рождения и своей смерти? Сомнений быть не может, это точно сделал Янис. Не письмо отправил, разумеется, а только написал его ещё при жизни. Он просто взял и рассказал брату, с которым очевидно был в непростых отношениях, что у него есть дочь, а родила её девушка, с которой он познакомился в баре, она работала там официанткой и ей негде было жить... Господи! Появление Витана всколыхнуло прошлое, о котором я предпочла бы навсегда забыть.

В виски ударяет болезненный разряд, и я осторожно ложусь на диван. Пытаюсь заставить себя продумать варианты усиления обороны или очередного нападения, которое сможет-таки отбить желание Витана связываться со мной. Но я так же понимаю, что это всё слишком смешно и нелепо, потому что Витан не похож на того, кто так скоро сдаётся.

6

Сотовый громко трезвонит, валяясь на полу рядом с диваном. В глазах мутно, буквы имени на экране разьежжаются, будто под водой. Приходится несколько раз провести пальцем по экрану, чтобы ответить на входящий звонок.

– Мы на месте! – радостно сообщает Элина. Слышу голосок моей Мари, малышка весело хохочет, как когда я щекочу её. – Ох, Лея, здесь потрясающе! Время в дороге пролетело незаметно, и дождь не успел догнать нас! Мы пели песни, пили какао и обсуждали мультяшных котиков, которых обожает Мари!

– Я так рада... Вы заселились?

– Да и номер потрясающий! Сейчас переоденемся и спустимся к позднему завтраку, а потом пойдем кататься на горках и плавать с дельфинами!

– Прошу, только осторожнее...

– Разумеется, мамочка! – смеется Элина. – Только не говори, что эти четыре часа ты провела в слезах?

– Нет. Я уснула. Кажется, у меня температура.

– Совсем не вовремя! Ты должна подзарядиться, пока нас нет. Немедленно замешай себе тот порошок, что стоит в шкафу, и упивайся чаем с лимоном. И простой водой! Гребанный вирус!

– Хотя бы не тошнит и на том спасибо.

– Лечись, поняла? И отдыхай от нас. Позвоним тебе вечером, мамочка! А за меня не волнуйся, я все эти дни пью какую-то муть для профилактики!

Давненько мне не было так паршиво. На часах половина одиннадцатого, за окнами темные тучи, предвещающие продолжительный дождь. Обожаю вдыхать запах мокрой травы. Кажется, что нет ничего чище и естественнее нежного аромата природы. Я всегда открываю все окна, чтобы дом наполнялся и пропитывался им, но сейчас в моей голове взрывается вулкан, и единственное, чего я хочу, так это проглотить сильное обезболивающее и запить его двумя литрами горячей воды. Чтобы согреться.

Шаркая ногами, бреду на кухню, чувствуя себя совершенно обессиленной. Что это за вирус такой? Четыре часа назад я была полна сил, а теперь едва ли смогла встать на ноги! Мое путешествие по бездонному ящику с лекарствами начинается. Выкладываю упаковки с таблетками, мазями, каплями, сиропами. Названия расплываются перед глазами, я совершенно не могу сфокусировать взгляд на больших и ярких буквах. Обнаруживаю градусник и зажигаю его подмышкой, продолжая бесконечные поиски. Внезапный звонок домофона усиливает головную боль. Вяло бреду к двери, но только на середине пути понимаю, что гостей я не жду. Элина и Мари далеко отсюда, а единственный, кто может заявиться сюда, долбаный богатей, которого я видеть точно сейчас не хочу. Разворачиваюсь обратно, но очередной звонок напоминает о постоянной заказчице Ольге, которая собиралась сегодня-завтра забрать свой долгожданный заказ.

– Ну, за что-о-о?

Приходится выйти на улицу, ведь мой домофон всё ещё неисправен. Заявка на ремонт, что я делала ещё на прошлой неделе, так и зависла в статусе «обработка». Завтра же найду другую фирму по подбору «мужа на час».

Открываю калитку, а мощный раскат грома сотрясает воздух. Боги. Как символично. А я так надеялась, что это моя заказчица.

– Чего тебе? – спрашиваю с ходу, почти повиснув на железной ручке.

Белая рубашка-поло идеально облегает мускулистые широкие плечи. Это единственное, что мне удастся увидеть с такой четкостью, ведь всё остальное требует усилий, а на них я сейчас совсем не способна.

– И тебе добрый день, – говорит Витан. – Я приехал познакомиться с Мари.

– Жаль, что зря время потратил. Её нет дома.

– Она выздоровела?

– Да.

– Когда она вернется?

– Когда-нибудь, – выдавливаю улыбку и пытаюсь закрыть калитку, но Витан успевает поставить руку на кирпичный столб. – Я же говорю, её нет дома.

– Где она?

– Это не твоё дело.

– Ещё как мое. Ты знала, что я приеду к ней. Я говорил об этом. Куда ты её отправила?

– В магазин за хлебушком. Отойди!

– Я не шучу, Лея, – говорит он с холодной серьезностью. – Я приехал, чтобы познакомиться с Мари.

– А я тебе говорю, что её нет дома! – повышаю голос и в глазах моментально темнеет. На горячее лицо падают мелкие капли дождя, кажущиеся мне ледяными и колючими крошками. Обнимаю себя руками, чтобы стало теплее, но без опоры становится сложнее держать равновесие. – Слушай, сейчас не лучшее время для знакомств и разговоров. Мари правда нет дома. Она у-у-ухала на выходные. Так ч-ч-что, не сегодня.

Вдруг замечаю в руках Витана электронный термометр, который несколько минут назад сунула себе подмышку.

– Где ты его взял? Это ведь мой.

– Ты не заметила, как выронила его, пока верещала, – объясняет он и смотрит на маленький экран. Пытаюсь выхватить устройство, но промазываю и случайно утыкаюсь пальцами в мужскую грудь. – Не распускай руки! – говорит. – Тридцать девять и два. Дома есть лекарства?

Выхватываю свой термометр, а взгляд цепляется за сверкающее ярко-синее пятно возле моих ворот. На какой именно машине он приехал, не вижу, но по стекающей боковине стильного кузова ясно, что стоит она чуть меньше яхты. В притупленные мысли моментально врывается суть нашего разговора вчерашним вечером. Витан всё так же намеревается отнять у меня дочь, а я ни за что не позволю ему этого сделать. Даже, будучи больной и плохо соображающей.

– Нам не о чем разговаривать, – говорю, крепче схватившись за железную ручку. – Как видишь, я себя неважно чувствую, и дождь начинается. Так что садись на свою роскошную яхту и уплывай отсюда подальше. Чу-чу-чух! Ноги в руки и вперед!

– У тебя есть лекарства? – повторяет вопрос таким низким голосом, что я почти не различаю слов. В ушах звон, тело бьет дрожь от ледяного дождя, а в волосах будто дятел запутался и без конца бьет по голове клювом. – Лея? – заглядывает в мои глаза. Не дав мне даже ответ сообразить, самовольно заходит на мою территорию и закрывает за собой калитку. – Идем в дом.

– Ч-ч-что? Не пойду я с тобой никуда! То есть, ты не пойдешь со мной ник-к-куда!

– Я могу и на плечо тебя забросить, – говорит серьезно.

– А я могу и... Какого черта? Поставь меня сейчас же! Эй? Кому говорю?! Мне же больно! Черт, как же мне больно!

– Я ничего не делаю. Я просто несусь тебя в дом.

– М-м-мне б-б-больно!

– Тебе неприятны мои прикосновения, потому что у тебя высокая температура. И поэтому тебе холодно.

– О! П-п-правда что ли? – ехидничаю из последних сил. Вешу головой вниз, чувствуя, как приливает кровь. Кости ломит, в глазах снова темно, но почему-то очертания крепкой мужской задницы будто подсвечиваются. – Ты в принципе мне н-н-неприятен! В-в-весь!

– Это взаимно.

– Т-т-только не говори, ч-ч-что ты д-д-доктор.

– Я не доктор. Но позавчера к вечеру у меня было точно такое же состояние. – Витан поднимается на крыльцо, открывает входную дверь и совершенно невозмутимо заходит в дом. Когда он ставит меня на ноги, моя налитая кровью голова включает режим быстрой карусели. Меня ведет назад, рука задевает лампу на тумбе. Теплые ладони успевают схватить меня за плечи, благодаря чему я умудряюсь устоять на ногах. – Ты вся дрожишь. Нужно срочно выпить жаропонижающее, если ты ещё этого не сделала.

– Нет. Я успела только ящик с лекарствами открыть, а тут появился ты!

– На кухне?

Молча киваю, морщась от головной боли.

– Ложись в постель. Я сам найду. Помочь дойти?

– Нет. Я справлюсь.

Но его руки всё ещё на моих плечах. Я никак не могу навести резкость в глазах, мужское лицо то замирает, то расплывается, как разлившиеся в воде краски.

– Я лягу в гостиной. И не откажусь от помощи, – говорю полупшепотом, признавая поражение. Или, во всяком случае, необходимость режима тишины в нашем противостоянии. – Мне будто чьи-то руки череп сдавливают.

– Понимаю. – Витан обходит меня. Одной рукой он продолжает держать меня за плечо, но другую кладет на талию. Он ведет меня к дивану в гостиной, помогает мне сесть на него и подает две яркие подушки, которые лежат на соседнем кресле. – Есть плед или одеяло?

– Шкаф в коридоре. Левая дверца.

Закон подлости, не иначе. Вчера я так красиво ушла от него, оставив на память горячий след на лице от своей ладони. А уже сегодня прошу его мне помочь улечься на диван! Опускаюсь на подушки. Такое чувство, что у меня даже пальцы на ногах дрожат. Витан накрывает меня плотным коричневым пледом, который мы с Мари купили на новогодней распродаже. Слышу шорох за спиной, хруст картонных упаковок, звук льющейся воды. Мне кажется, что все мои кости трескаются, медленно прокручиваясь, как кусочки мяса на шампурах в электрической шашлычнице.

– Выпей, – предлагает Витан, протягивая мне стакан с ярко-желтой жидкостью. – Через двадцать минут станет легче.

С трудом приподнимаюсь на локтях и выпиваю всё до последней капли. Настолько паршиво мне не было уже очень давно.

– Спасибо. – Тяжелая голова обрушивается на подушку. Прижимаю к себе теплый плед, спрятавшись под ним до самого носа. – Температура не позволяет мне досконально разглядеть, как ты лопаешься от радости.

– Злорадство мне не свойственно, – отвечает Витан моими словами и ставит пустую кружку на журнальный столик. – И зачем досконально?

– Чтобы ещё раз напомнить себе, кто ты и что тебе от нас нужно.

– А ты уже забыла?

Горячие веки тяжелеют, но стоит мне опустить их, как глазам становится больно.

– Нет. Но меня смущает эта твоя внезапная забота. Из нас двоих проблемы с памятью определенно не у меня. – Суставы так больно выкручивает, что я издаю тихий, но достаточно продолжительный стон. Вообще-то, мне становится очень даже неловко.

– И что же я по-твоему мог забыть?

– Что я бессовестная молоденькая официантка, вцепившаяся зубами в большой денежный мешок и уж точно не заслуживающая твоей заботы.

– Как верно сказано.

– Ты мою дочь не получишь, – говорю, сотрясаясь от холода. Хорошо, что Мари здесь нет. Если бы Витан попытался силой отобрать её у меня, я бы навряд ли сейчас смогла хоть что-то сделать. Даже плюнуть ему в лицо не получилось бы. – Если ты серьезно думаешь, что сможешь отнять её у меня только лишь потому, что Янис был твоим братом, ты редкостный болван. Но, – усмехаюсь, крепко сжимая плотное шерстяное полотно, – я искренне надеюсь, что это не так, хотя многое указывает на обратное. Мне не хочется в-в-верить, что Янису настолько не п-п-повезло с родным ч-ч-человеком. Когда же это з-з-закончится? Как же здесь х-х-холодно... Как же х-х-холодно.

Губы сухие и дрожат, зубы выбивают быстрый ритм. Лежу в позе зародыша, желая скорее провалиться в сон, где уж точно будет теплее, чем здесь. И вдруг на меня медленно опускается что-то тяжелое. Сквозь узкие щелки слипшихся глаз вижу расплывчатый силуэт мужчины, склонившегося надо мной. Он укрывает меня одеялом. Кажется из моей спальни... Чудесно. Теперь он расхаживает по дому, будто тот принадлежит ему. Впрочем, так уж ли это важно сейчас, если тепло моментально похищает меня в уютные сновидения.

* * *

Уже половина пятого вечера, а я никак не могу набраться сил и выползти из берлоги, которую соорудил для меня нарисовавшийся брат Яниса. В доме его нет, зато на журнальном столике он оставил для меня записку:

«В пакете лекарства, которые тебе нужны. И проблем с памятью у меня нет. Выздоровливай!».

В небольшом белом пакете и впрямь лежат лекарства, за которыми он, очевидно, съездил в аптеку, пока я спала. Гадая, что же это – жест доброй воли или четко продуманный отвлекающий маневр, я не замечаю, как шепот дождя за окном вновь убаюкивает меня, а мысли разлетаются от ветра золотым песком. А уже через полчаса я вновь распахиваю взгляд от громкого телефонного звонка.

Мари щебечет без умолку. Рассказывает мне о встрече с дельфинами, о том, как забавно они покрывают и как ей хочется, чтобы скорее наступило завтра, потому что они с Элиной снова отправятся в дельфинарий.

– Мамочка, ты должна приехать! Ты влюбишься в них! Приезжай к нам, прошу! Прощу!

– Обещаю, что этим летом мы обязательно побываем в дельфинарии вместе. Но не завтра, милая.

– Правда-правда?

– Правда, милая.

– Ой, мамочка, а Элина влюбилась!

– В дельфинов? – запиваю таблетки.

– И в них тоже, – хохочет малышка. – Элина упала на чужой столик, потому что у какого-то кретина навигатор в башке полетел ко всем чертям! Она так на него кричала!

– Что сделал? То есть... Мари! Милая, так нельзя говорить. Солнышко, передай-ка трубочку Элине.

– Люблю тебя, мамочка!

– И я тебя, моя девочка.

– Ох, ну, надо же! – с напускной радостью восклицает Элина, прекрасно понимая, о чем я сейчас буду с ней разговаривать. – Наша неподражаемая мамочка! Как у тебя дела? Как

провела день? Что там у вас с погодой? Знаешь, здесь просто сказка! Правда, говорят, что и сюда надвигается грозовой фронт! Как самочувствие и...

– Какой ещё «кретин»? Какой ещё «навигатор полетел ко всем чертям»?

– Да, да! Виновата! – шепотом кричит Элина. – Это случайно вышло. Откуда же мне было знать, что она запомнит каждое слово? Рот на замок, обещаю!

История о том, как Элина случайно столкнулась с парнем в ресторане отеля и свалилась на чужой столик, угодив рукой в тарелку с сырным крем-супом занимает чуть больше пятнадцати минут. К концу повествования я обнаруживаю, что всё это время верчу в руках записку, оставленную Витаном. Квадратный листок он вырвал из блокнота на большом магните, что висит на холодильнике, а красный карандаш он явно позаимствовал из набора Мари. Красивый у него почерк. Плавный, буквы закругленные. Как у Яниса...

– А теперь ты. Рассказывай, чем занималась весь день? Только не говори, что работала?

– Я заболела, – напоминаю, обводя указательным пальцем прописные буквы. – Поднялась температура. Я проспала весь день.

– Выпила что-нибудь? – беспокоится подруга.

– Да. И мне стало лучше.

– Надо же такое! – вздыхает она. – И мы уехали, оставили тебя одну.

Записка замирает между средним и безымянным пальцами. И зачем он возился тут со мной?

– Витан приезжал.

– Ну, кто бы сомневался! Значит, хорошо, что мы с Мари уехали, да?

– Да, определенно. Хотел с ней познакомиться.

– Дулю ему показала?

Смотрю на записку. Ищу подвох.

– Он привез мне лекарства, – добавляю полушепотом.

Элина удивляется.

– Вот как.

– Угу. Спрашивал о Мари, но... Я едва на ногах стояла, а он вдруг сменил свою тактику.

– Тебя это тревожит?

– Скорее да, чем нет. – Мой взгляд в сотый раз медленно скользит по буквам. – Я ему не верю, но в том, что они с Янисом братья – почти не сомневаюсь.

– Пусть покажет тебе паспорт и дело с концом! Но даже если и так, у него нет никаких прав на Мари, – тихонько говорит Элина. – Ты мама, а он просто дядя, который появился ни с того ни с сего спустя пять лет.

Я это знаю. Умом я понимаю, что мы с Мари – одно целое, нас никто и ничто не сможет разделить. Я хорошая мама и прекрасно справляюсь со своими родительскими обязанностями. У меня есть доход, есть крыша над головой. Мари ни в чем не нуждается и никогда не будет. Благодаря Янису – биологическому отцу, пожелавшему остаться исключительно таковым. Он предвидел, что настанет момент и на пороге нашего дома появится кто-то из его родни, о которой он пожелал не сообщать мне. Потому что наверняка знал, что кто-то предпочтет вышвырнуть меня из жизни дочери, считая её собственностью семьи Миллер. Но это всё лишь в том случае, если письмо, существование которого ещё нужно доказать, отправил не Янис, а это маловероятно... Только он знал, как и где мы познакомились. Только Янис знал о причинах, по которым я была вынуждена согласиться на его предложение. И обо всем он поведал Витану. Но зачем? Почему? Для чего?

– Вся эта ситуация лишний раз доказывает, что мужикам веры нет, – заключает Элина со вздохом. – В очередной раз.

– В очередной раз.

Ох, Янис, зачем же ты сделал это со мной?

7. Витан

«...обвинить эту девицу в ненадлежащем исполнении обязательств по содержанию, воспитанию, обучению, защите прав и интересов несовершеннолетнего. Иными словами, ты должен предоставить доказательства, что мать бездействует, не занимается нравственным воспитанием ребенка, позволяет ему полную свободу действий и прочее. Хорошо, если эта девчонка окажется пьяницей, которая каждый день собирает у себя собутыльников и устраивает шумные вечеринки. На такие органы опеки набрасываются моментально. Как пираньи на окровавленную тушу! А пока у нас расклад таков: пять лет назад она обратилась в клинику, выбрала донора и сделала процедуру ЭКО. Даже, если она пришла туда под ручку с Янисом, который по-дружески поделился с ней своей спермой, он просто донор. А «просто донор» подписывает документ, который снимает с него всякую ответственность в настоящем и будущем. Сдал баночку с семенной жидкостью – способствовал улучшению демографии страны. Вот и вся миссия. У ребенка фамилия матери, данные об отце в свидетельстве о рождении отсутствуют. Ты и ваша семья – никто. Ты даже тест ДНК не сможешь сделать без согласия матери, потому что кто ты – никто. Если хочешь убедиться исключительно для себя, на чем я настаиваю, – нужно делать тайком от нее.

Так-так, что там дальше... А! Твой вопрос о клинике. Подать в суд? А она здесь при чем? Услуги оказаны, оплачены, результатом все остались довольны. Янис и здесь тебя обошел, не оставив даже крохотной ниточки, потому что обманут не только ты, но и клиника.

Короче говоря, Витан, у тебя три варианта. Первый я озвучил тебе сразу, как только ты мне всё рассказал. Но здесь тебе необходимо убедиться в правдивости слов Яниса и потому, опять же, нужно провести тест ДНК. А дальше уже будем готовить документы для суда. В качестве доказательств понадобится письмо Яниса и желательно твои фото с девочкой. Суть второго варианта: докажи, что она не справляется с обязанностями матери и тогда, ребенка определят к ближайшим родственникам, коими являетесь вы. Если не выходит, тогда вот тебе третий – запудри ей мозги. Учítывая, что она согласилась родить ребенка от незнакомо­го мужика в двадцать два года ради кучи бабла, пять лет утомительного материнства навряд ли выбили из нее корыстную особу. Ей только двадцать семь! Она явно не о тихой загородной жизни мечтает! Разложи её красиво по полочкам, как и чего она сможет достичь, если освободит себя от тяжкого бремени материнства. Для нее открыты все дороги! Путешествуй, развлекайся, делай, что душе угодно! Девицы сейчас готовы убить за такую возможность. Мужская ласка и забота женщин ослепляет, так что если хочешь как можно скорее получить свое и вернуться к привычной жизни, выруби ей весь свет и она сама не заметит, как захочет прислушиваться только к тебе и соглашаться с тобой во всем. Помни, согласие матери – ключ ко всем дверям, которые для тебя пока остаются закрытыми. И прости, что отправляю голосовое по электронке. Мой телефон свалился в ванну и пролежал там достаточно продолжительное время. Двести тысяч! Во столько мне обошлась ночь с сексапильной брюнеткой Наташей, которая была спикером на...»

Закрываю крышку ноутбука и голос друга из аудиосообщения замолкает. После истории с брюнеткой, ванной и телефоном, которая не вызывает у меня никакого интереса, он и в этот раз наверняка просит обязательно перезвонить ему. Как и в двух предыдущих аудио.

Только Артем знает, зачем я сюда приехал. И знает только лишь потому, что умеет держать язык за зубами, да и его советы бывают весьма кстати. А то, что он успешный юрист по бракоразводным делам – лишь приятный бонус.

Звезд на небе не видно совсем. Дождь прекратился, но и завтра солнца не предвидится. Так даже лучше. В самую тему. Потому что в мыслях моих царит непогода и она намного свирепее, чем эти тусклые и далекие вспышки молний над морем.

Уже который день я просыпаюсь с надеждой, что увидел самый долгий и нелепый сон в моей жизни. Паршивый сон, который не отпускает до самого вечера, оседая в душе тлеющим пеплом. Иногда его и не помнишь вовсе, но крошечные обрывки, от которых появляется горечь во рту, буквально вонзаются в извилины и преследуют на протяжении долгих дней. В этих кусочках я всегда вижу Яниса и вырванные из прошлого короткие моменты счастья и скребущихся, как тараканы, терзаний. Ненавижу ночи, приправленные подобной смесью. С недавних пор они стали преследовать меня ежедневно.

Забираю ноутбук и возвращаюсь в хозяйскую каюту, не переставая думать о делах перво-степенной важности. На носу сдача проекта, которому я посвятил несколько лет своей жизни. Сотни человек кропотливо доводили его до совершенства, день изо дня превращая в неповторимое произведение искусства. Каждый угол, каждое вкрапление – всё тщательно подбиралось и продумывалось лучшими из лучших, и я, который вел огромную команду к успеху немислимых масштабов, торчу в курортном городке, кишасим туристами, и не могу определиться с дальнейшими действиями. Я, Витан Миллер, который всегда знает, что делать и как поступить для достижения поставленной цели, третий день живу на яхте доброго друга и негодую, каким таким волшебным образом Янису удалось вырвать меня из моей тщательно выстроенной жизни? Даже могила для него не препятствие. Пять лет я молча боролся с чувством вины, сумев притупить его, чтобы в моменты полного обнажения души, оно не закалывало мое сердце, как безумный маньяк беззащитную жертву. Я смирился с положением вещей, которые уже никогда не исправить, и моя жизнь вернулась к привычной кольцевой форме, где есть я, мои интересы, мои потребности и задачи. Иногда случаются аварии. Но они крошечные и быстро решаемые, а эта же – крупномасштабная катастрофа, остановившая всё скоростное движение по замкнутому кругу!

Янис. Чертов Янис. Будь ты здесь, хитроумный гад, я бы из тебя всю дурь выбил. И сделал бы это похлеще того единственного раза, после которого ты перестал существовать для меня. Сколько раз я мысленно уносился в возможные сценарии иного исхода твоей жизни. Сколько раз я корил себя за бездействие и обиду, которую сам в себе же и породил. Сколько раз я говорил у твоей могилы, что сожалею о прошлом... А ты, ублюдок, снова перевернул мою жизнь на триста шестьдесят градусов. В прошлый раз ты вырвал из нее огромный кусок и мне понадобилось увидеть твое надгробие, чтобы окончательно простить тебя и отпустить былые обиды. А теперь ты перешел все границы и, хотя я знаю, что сейчас твое тело гниет под землей, я всё равно не перестаю чувствовать, что ты, мерзавец, по-прежнему здесь.

Можно притвориться, что я ничего не знаю и продолжать спокойно жить дальше. Почему ребенок от молоденькой официантки, которого заделал Янис, должен быть моей головной болью? Мне ничто не мешает собрать вещи и свалить отсюда со спокойной совестью. И ребенка, и девчонку Янис обеспечил на долгие годы, так что волноваться о том, что они будут в чем-то нуждаться, не придется. Чем дальше будет наша семья от них, тем лучше.

Тем лучше.

Чертов Янис.

Чертова игра в покер четырнадцать лет назад.

8

2009 год

– Вот видишь! А не хотел приезжать! Зуб даю, мой братец станет богатейшим человеком на этой земле! Есть люди, которым деньги падают с небес и ты, кровинка моя, из их числа! Везунчик по жизни, – улыбается мне Янис и пихает кулаком в плечо. – Помяни мое слово, ты станешь самым успешным ребенком наших родителей.

– Да уж, – вздыхает расстроенный Миша. – Уделал, так уделал.

– Благодарю за компанию, неудачники! – делаю поклон головой, забирая свой куш. – Я бы с удовольствием ещё раз обобрал вас до нитки, но мне пора ехать.

– Как? – смотрят на меня все. – Мы только в кураж вошли!

– Первое правило любого успеха: умея вовремя остановиться. И это вовсе не «стоп» навсегда. Это необходимая передышка, позволяющая перезагрузить мозг и увидеть новые возможности.

– Гребаный бизнесмен! – фыркает Славик. – Ты в универе всех достал, так ещё и здесь втюхиваешь свою философию! Кончай умничать и садись играть!

– Я должен вернуть свои деньги! – заявляет Миша.

– О! Девчачьи обиды подъехали! – смеется Янис. – Брат, – смотрит на меня, – не поступай так с девчонкой. Не разбивай ей сердце.

– Да пошел ты! С этими субботними посиделками я почти на мели!

– Ну, так ведь «почти» это ещё не «совсем»! – подначивает его Янис. – Да брось обижаться. Пару раз проиграл и уже конец света.

– Пару раз это только сегодня! – раздражается Миша.

– Если за столом есть кто-то из Миллеров, то вступать в игру слишком рискованно, – цедит опьяневший от пары бутылок пива Олег. – А когда их здесь двое, то старший всегда в ударе. Пусть уезжает, так у каждого появится больше шансов на выигрыш.

– Но суть от этого не меняется! Они оба в выигрыше, потому что из одной, мать вашу, семьи! Поделили куш и счастливы!

– Воу-воу-воу! Полегче, дружище! – успокаивает Янис, бросив на меня хитрющий взгляд. – Если тебя это так задевает, тогда пусть мой счастливчик-братец катится ко всем чертям, да?

– Нет! – упрямо смотрит на меня Миша. – Ещё одна игра. Давай, Вит, сдавай карты!

– А потом ещё и ещё, – смеюсь я. – И вот ты остался без квартирки, которую подогнал тебе отец.

– Или без тачки, – веселится Янис.

– Я не настолько туп, чтобы делать такие ставки. Но мне нужно вернуть мои деньги. Так что хватит уже базарить и сдавайте карты!

– Друг мой, – Янис изображает серьезность, – а не зависимость ли у тебя?

– Пошел к черту, Янис! Отец заблокировал мне все карты после того, как я спустил триста тысяч на аукционе.

– Ты купил сраную шариковую ручку, – ржет Славик. – Удивительно, как он тебя не пристрелил!

– Ну, ну, ну, – успокаивает нас Янис, нацепив беспристрастную маску рефери. – Всякое случается. Нашего друга очаровала сексапильная блондинка, перед которой он хотел немного козырнуть. Ничего смешного в этом нет.

– Ладно, всё! – поднимаюсь на ноги, устав от болтовни. – Я поехал! Желаю хорошенько повеселиться.

- Постой, Витан! – просит Янис. – У меня появилась идея.
- Правило номер два: когда у Яниса появляется идея, хватай ноги и беги, – говорю, протягивая руку друзьям. – Не могу я остаться. Меня ждет Вика.
- Ой, ну, поглядите! Витан-подкаблучник собственной персоной! – кривляется Миша. – Променил субботний вечер с друзьями на девчонку.
- Правило номер три... – издеваюсь над ними.
- Да заткнись ты уже и вали к своей сногшибательной Вике! – фыркает Миша, и мы ждем друг другу руки. – Привет передавай!
- Ага.
- И это всё? – поднимается Янис. – Пропало желание отыграться и навалить ему?
- А может это я наваляю тебе? – пихаю брата кулаком в плечо. – Я поехал.
- Стой, стой! – останавливает меня, выставив вперед руки. – Говорю же, у меня появилась идея!
- Seriously, Янис, мне пора. Мы с Викой договорились провести этот вечер вдвоем.
- Как и все предыдущие и последующие субботние вечера, – закатывает глаза. – Ещё одна партия. Или...
- Не смей этого говорить, – смотрю на него терпеливо.
- Или...
- Или... – подначивают все хором.
- Кишка тонка? – заканчивает Янис полупшепотом, а потом с самодовольной ухмылкой садится на свое место.
- Кишка! Тонка! Кишка! Тонка!
- Придурки вы, – оглядываю всех за столом, вытаскивая из кармана джинсов вибрирующий содовый. – А теперь быстро все заткнулись!
- Тсс! – подыгрывает Янис, приказывая всем замолчать. – Его малышка звонит.
- Малышка...
- Королева...
- Крошка...
- Дебилы, – говорю им и отвечаю на звонок. – Привет, любимая.
- У-тю-тю, – кривляются все разом. Выхожу из-за стола, чтобы не видеть их тупые физиономии.
- Привет. Кажется, у тебя весело?
- Ага. Прямо бесплатный цирк! Не волнуйся, я буду вовремя. Как раз собираюсь сесть в машину и рвануть к тебе.
- Прости, милый, но планы изменились. Позвонил папа, попросил приехать к нему в офис, чтобы помочь с выбором подарка для мамы.
- В половину девятого вечера?
- Ты ведь знаешь его. Он и в три часа ночи может выкинуть нечто подобное. Но сейчас мне кажется, он очень опасается прогадать с подарком. Всё-таки годовщина их с мамой свадьбы. Она у меня к таким событиям относится со всей серьезностью. Хочу ему помочь.
- Понимаю, – говорю неохотно, бросив взгляд через плечо. Парни уже ведут беседы, доказывают что-то друг другу, и только Янис смотрит на меня с нескрываемым любопытством в сощуренных глазах. – Но он мог бы спросить твое мнение чуточку раньше. Значит, мне не стоит сегодня приезжать к тебе?
- Да, именно так. Я не знаю, сколько времени это займет. Мне повезет, если домой вернусь к двенадцати.
- Позвони мне. И я тебя заберу.
- Нет, Вит, не стоит. Оставайся с друзьями и проведи субботний вечер в дружной и веселой компании. А мы увидимся завтра.

– Хорошо. Будь осторожна.

– Отдыхай, милый.

Чешу затылок, не сводя глаз с медленно угасающего экрана. Отец Вики тот ещё исполнитель народных танцев. Мы познакомились год назад на форуме, где он был одним из спикеров. Он тогда не знал, что я уже встречаюсь с его дочерью, и, возможно, поэтому я показался ему действительно интересным собеседником. Мнение обо мне было точно непредвзятым. После мероприятия, мы спустились в ресторан при отеле и выпили всего-то пару стаканчиков виски, но его так развезло, что сотрудникам пришлось вызвать наряд полиции, чтобы хоть как-то утихомирить буйного гостя. Кажется, ему не понравилась ухмылка какого-то мужика за барной стойкой и он просто набросился на него, выкрикивая те ещё извращенные ругательства. Ночь он провел в отделе полиции, а утром его отпустили, потому что я наплел не бог весть какую историю, суть которой заключалась в том, что это мой тесть, который переживает непростой период в личной жизни. Когда мы вернулись в отель за вещами и отправились в аэропорт, я признался, что лететь нам в одну сторону и у нас с Викторией отношения. И тогда я понравился ему ещё больше.

– Что такое? – спрашивает Янис. – Планы изменились?

– Да. Вика едет к отцу, так что придется остаться с вами, неудачники.

– И хорошо, – королевским жестом Янис предлагает мне вернуться за стол. – Прошу. Ведь у меня как раз созрела веселая мысль.

– Эта веселая мысль вернет мне мои деньги? – спрашивает Миша, забросив в рот соленый арахис.

– И в чем суть? – спрашиваю, вернувшись на свое место. Своих друзей я ценю и уважаю, но не с ними я планировал провести этот субботний вечер. – Рассказывай.

– Ничего особенного, – пожимает Янис плечами, тасуя колоду карт. – Разве что ставки поменяются.

– А! Ну сейчас! – отмахивается Миша. – Разбежался! Почку я ставить не собираюсь!

– Да кому сдалась твоя почка? Я не о деньгах говорю. Пусть в следующей партии ставками будут желания. Скажем, хочешь ты вернуть свои деньги и тебе удастся выиграть. Так ты и загадай это желание. Скажи Витану вернуть тебе весь заработанный сегодня куш. Раз он проиграл, значит так и сделает.

Миша переводит на меня круглые глаза, ожидая моей реакции.

– Скучно, – комментирует Олег.

– Классический вариант намного веселее, – соглашаюсь.

– Скучно только в том случае, если выиграет кто-то из вас, – усмехается Янис, раздавая карты. – А если победителем стану я, вы надорвете свои животики от веселья. Согласитесь, мой мозг невероятно изобретателен! Ну, так что? Рискнете или кишка тонка?

– Я деле! – соглашается Славик. – Моя кишка точно не тонка!

– Вы это нарочно? – оглядываю всех.

– Ладно, не бесись, братец! – смеется Янис. – Все мы знаем, как ты ненавидишь эту фразу, но порой именно она побуждает тебя к определенным действиям. Ведь и твоя кишка точно не тонка, верно?

Всеобщее веселье вызывает раздражение.

– Одна игра, не больше, – неохотно принимаю вызов, понимая, что, если Янис и правда выиграет, нам всем точно несдобровать. Уже догадываюсь, что он приготовил для Миши, который несколько раз порывался сделать тату, но так и не решился. Небось скажет ему набить на заднице крошечный член. – Сделаю вас всех и дело с концом.

– И мне вполне хватит, чтобы уделат вас по полной программе, – с вызовом улыбается мне брат. – А потом я буду побеждать на другом поле. Намного более нежном, податливом и упругом.

– Я думал, ты сегодня будешь здесь.

– Планы изменились, – говорит мне Янис с улыбкой, отражающей его нерушимое удовлетворение собственной персоной, – я еду к девушке.

– И как её зовут? Ты хоть помнишь? – усмехается Славик.

– Я помню, насколько она откровенна в своих желаниях и как сильно я завожусь, когда она расстегивает мою ширинку и просит немедленно взять её. А больше мне ничего помнить не надо.

– Женись на ней! – смеется Олег. – После того, как старший брат изведает эту дорожку и нарисует тебе карту.

– В этом вопросе наши мнения расходятся, – говорит Янис, знакомясь со своими картами. – Смысл моей жизни не в том, чтобы окольцевать себя и посвятить другому человеку.

– Ну, надо же! – смеется Олег. – И в чем же тогда смысл твоей жизни, о, великий и непревзойденный Янис?

– В том, чтобы посвятить её исключительно себе, – отвечает мой брат и тянет пиво из бутылки. – Добиваться успехов ради себя. Работать только на себя и ради себя. Делать то, что доставляет удовольствие и никогда не забывать о своих мечтах. Стремиться их осуществить. Взбираться на вершину, какой бы недостижимой она не казалась. Нужно жить так, чтобы не ты зависел от денег, а они от тебя. Не они правили тобой, а ты ими. И тогда у тебя будет всё. И тогда ты точно будешь счастлив. Ни одна женщина не создаст для тебя рай. На это способен только ты сам. Высокомерно звучит? – оглядывает он нас. – Зато это правда. Человеку не нужен ещё один человек. Весело провести время вместе – да. Трахнуть – да. Создать бизнес – вполне. Дружить – обязательно! Играть в отношения – почему бы и нет. Но пусть они будут легче перышка! Но посвящать себя кому-то ещё, перестраивать себя, превращать чужие мечты в свои – да ну нахрен!

– Эгоист чистой воды! – смеется Олег.

– Зато я живу вне иллюзий, – улыбается Янис, глянув на меня. – В этом мире есть только я. И только я могу сделать себя счастливым. Никому другому это даром не нужно. Ну, что, ребята, готовы повеселиться?

9

С первого взгляда на дом и не скажешь, что его проектировал Янис. Он утверждал, что современная классика слишком скучна и ограничена для его богатой на воображение творческой натуры. Почерк Яниса заключался в агрессивном слиянии деталей нескольких стилей, которые лично я никогда не рискнул бы соединить в одно целое. Это то же самое, как если набросить пиджак на спинку стула, а его ножки спрятать в двух парах кроссовок и назвать всё это «чехлом». Но Янис был настоящим мастером своего дела, чьи проекты по-прежнему пользуются огромным спросом.

Глядя на этот дом, я вижу терпение. Я представляю, как тонкие пальцы Яниса держали карандаш над ватманом и, возможно, впервые движение грифеля было непривычно медленным. Вальмовая крыша опускается на опоры, ровные стены смыкаются в четкие углы, окна удлиняются, уходят вширь – так естественного света будет больше. Внизу море, наверху солнце, снег здесь редкость. Нужно больше возможностей для выхода во двор: парадная дверь, раздвижные из гостиной на террасу, из кабинета в сад. Штукатурка и краска недолговечны, подвержены изменению цвета и осыпанию. Осенью здесь ветрено – безопаснее кирпич. Скукота и однообразность. И отложение солей неизбежно. Клинкерная плитка защитит от многих негативных факторов и создаст видимость кирпичной кладки. Цвет... Дом для молодой мамы и её дочери, броскость исключается. Нежный беж с щепоткой полупрозрачной розовинки. Оконные рамы черные, так выстроятся идеальные линии...

– Только не говори, что ты сделал для себя дубликат ключей, пока я была не в состоянии выставить тебя вон! – прерывает мои мысли голос Леи. В её руках большой бумажный пакет из какого-то бутика одежды. Взгляд рассерженный. – Как это понимать?

– Я не знал, спишь ты или нет. Будить не хотел.

– И поэтому зашел без приглашения, – закатывает глаза и спускается по широким ступеням крыльца. – Вот так оправдание невоспитанности!

Лея идет по тропинке к воротам, а с её пшеничными волосами играет теплый ветерок. В лучах солнца волнистые нити отдают яркостью наполированного золота, но под густой ватой серых облаков они приобретают оттенок мокрого песка. Открыв калитку, Лея выходит, а уже через несколько секунд возвращается без бумажного пакета. Внезапная вспышка молнии похищает её перепуганный взгляд. Она уверенно идет по тропинке, чтобы снова отчитать меня, но невольно демонстрирует обеспокоенность очередным моим появлением. Тяжелый раскат грома, бабахнувший, кажется, над соседним домом, вынуждает её обхватить себя за плечи. Воздух будто застревает в её груди и оттого острые ключицы резко поднимаются, обнажая глубокую треугольную ямку.

– Я просто хотел убедиться, что с тобой всё в порядке. И если бы я обнаружил тебя в постели, то непременно ушел бы.

В больших зеленых глазах замирает сомнение. Ветер поднимает вверх низ расстегнутой белой рубашки, под которой стройное тело облегает укороченная черная майка и велосипедки. Так и не скажешь, что у нее есть ребенок. Она вообще не похожа на маму. Слишком молодая, миниатюрная и доверчивая. Впрочем, последнее основано лишь на единственном моменте, когда она моментально приняла меня за другого и радушно впустила в свой дом.

Мой взгляд опускается на плоский живот и подмечает рельефный пресс.

– Тебе стало лучше? – спрашиваю, переместив глаза на её лицо.

– Да. Лекарства помогли. Не стоило утруждаться, но спасибо, что съездил в аптеку. Только ты забыл оставить в пакете чек. Я хочу вернуть тебе деньги.

– Не беспокойся. Я не сильно потратился.

– И всё же, я не люблю быть должной. Так что, пожалуйста, скажи во сколько тебе обошлись лекарства, и я отдам тебе деньги.

«Будет намного лучше, если ты отдашь мне то, что должна», – говорю мысленно, и Лея, точно понимает это по взгляду.

– Лучше угости меня кофе.

– Мне проще вернуть тебе деньги.

Её прямолинейность в радужке очевидной тревожности вызывает у меня улыбку. Я ловлю себя на мысли, что мне было бы любопытно узнать, сколько раз она послала Яниса с его бредовым предложением прежде, чем согласилась? Потому что как бы мне того не хотелось, но Лея пока совсем не похожа на безбашенную и легкомысленную девицу, образ которой сразу же возник в моей голове, как только я прочел письмо. Перекрытое личико, пищащий голосок, полуоткрытые глаза от тяжести искусственных ресниц и напускная скромность, растворяющаяся в бокале игристого. Только такие девушки и клеились к Янису, потому что именно таких он и предпочитал. И пока Лея полная их противоположность. Она не доверяет мне, а мое присутствие нарушает привычный уклад её жизни. Возможно опасается, что я попробую отнять у нее этот дом и всё то, что оставил ей Янис. Но учитывая, что она спрятала от меня ребенка, материальные блага стоят для нее отнюдь не на первом месте. Возможно.

– Расскажи мне о Янисе. – В яркой зелени женских глаз моментально разливается теплая река. И скорость её течения настолько неспешная, что внезапное чувство зависти нечаянно оседает меж ребер. – О тех одиннадцати месяцах, что вы провели вместе.

Лея не хочет говорить о дочери, так может и сама не заметит, как, делясь со мной последними месяцами жизни моего брата, плавно переключится на запретную тему. К тому же, я не могу отделаться от желания знать об этой истории, как можно больше. Чтобы слова, написанные рукой Яниса, обрели живые картинки.

– Для меня это важно, – добавляю, взглянув в её большие и замершие на мне глаза.

Лея всё ещё сомневается во мне, но понимает, что я имею право проявлять интерес.

– Покажи паспорт, – говорит, даже не моргнув.

– «Паспорт»?

– Да, покажи мне паспорт. Или водительское удостоверение. И если добавишь общее фото с Янисом, будет вообще отлично.

– Ты всё ещё сомневаешься, что я не его старший брат?

Лея молча смотрит на меня, ожидая выполнения её требований. Достая сотовый из заднего кармана джинсов, снимаю чехол, под которым прячется водительское и протягиваю ей.

– Ты и без того знаешь, что я его брат.

– Фотографии? – игнорирует мои слова и снова смотрит на меня, требовательно взметнув бровкой.

Ей хватает пары секунд для ознакомления, после чего возвращает мне документ.

– У меня их нет. Но если бы знал, что для тебя это будет так важно, попросил бы маму отправить наши детские снимки, где мы стоим на стульчике в обнимку.

– И в телефоне нет?

– Нет, – смотрю на нее, теряя терпение.

– Странно.

– Всё? Я прошел идентификацию?

В небе снова сверкает молния, будто бы помогая мне поторопить нерешительную хозяйку. Дождавшись очередного грохота разъяренного неба, Лея, наконец, согласно кивает мне в сторону дома. Иду за ней, смотрю на её стройные ноги, миниатюрные, но женственные бедра и...

– И прошу снять обувь, – говорит, бросив укоризненный взгляд через плечо. – Терпеть не могу, когда люди заходят в мой дом обутыми.

– И часто они так делают?

Лея открывает входную дверь и отходит в сторону, чтобы пропустить меня. Её молчаливый, но чересчур недовольный взгляд так и вопит мне катиться куда подальше.

– Прошу прощения, что позволил себе неуместную вольность. – Снимаю обувь, не сводя с нее глаз. – Больше такого не повторится.

Ей не нравится, что в доме посторонний. Но ещё большее беспокойство вызывает моя вежливость. Скинув ярко-желтые шлепанцы, Лея направляется в кухню-гостиную. Иду следом, чувствуя сладковатый аромат её кожи. Все окна распахнуты, двери на террасу открыты. Сквозняк поднимает светлый прозрачный тюль и тонкая ткань завораживает причудливым танцем. В этот момент Лея оборачивается, и пшеничная прядь, подброшенная ветром, прилипает к её полным губам. Она поддевает пальцем волосы и спрашивает:

– Кофе со сливками?

– Без. Просто черный.

Пастельные оттенки гостиной сочетаются с мягкостью её черт. Несмотря на притаившуюся в глазах враждебность, Лея похожа на мечтательную героиню картины, что проводит свое утро в объятиях летнего ветра.

Присаживаюсь за обеденный стол, прогоняя нежелательные мысли. Уютная зона кухни вновь приковывает мой взгляд. Над ней совершенно точно работал Янис. Кропотливо. Он впервые совместил парадную кухню с рабочей. В его проектах загородного жилья их всегда разделяла стена и казалось, что лицо кухни занимало сравнительно немного места, но это всё потому, что «мозги» оставались спрятаны по другую сторону. Варочная поверхность, духовые шкафы, посудомойка и прочее, что, как считал Янис, должно оставаться в тени. Но здесь пространство настолько свободное и дышащее! Темная каменная столешница превращается в растянутую букву «Г», перпендикулярно которой стоит трехметровый шкаф со всей встраиваемой кухонной техникой и скрытыми нишами для хранения. Несомненно стильно и модно, но ещё непривычно одомашнено. Мама была бы в восторге. Очевидно, что профессиональный взгляд Яниса претерпел кардинальные изменения в последние годы жизни.

Лея включает кофемашину, достает из верхнего шкафа две белые чашки с блюдцами и тянет руку к узкому ящику, где хранятся столовые приборы. Еще пара движений и вот она уже заваривает чай в стеклянном чайнике, толкнув носком нижний высокий ящик слева. Не сомневаюсь, что она с легкостью ориентируется здесь с закрытыми глазами, а всё потому, что каждая деталь проработана с предельной скрупулезностью ради максимального удобства хозяйки. Видно невооруженным взглядом, что Янис старался исключительно для нее. Возможно, между ними было что-то большее, чем эти немислимые договоренности.

– Что именно ты хочешь знать? – спрашивает меня, составляя с деревянного подноса на стол одну чашку на блюдце и чайник.

– Всё.

– Это понятие растяжимое.

Кофемашина издает плавную мелодию, оповещающую о готовности напитка. Когда Лея снова возвращается к столу с моим кофе и садится напротив, я спрашиваю:

– Вы жили здесь вместе?

– Не совсем, – качает она головой, наливая в свою кружку чай. – Янис оставался здесь на несколько дней, а потом улетал на лечение... Его не было по две-три недели первое время. Но приезжал он регулярно. А потом, когда я была уже на пятом месяце, Янис задержался, – вспоминает она, и я замечаю, как невольно дрогнули её губы, будто сопротивляясь подступившим слезам. – Он уехал за неделю до рождения Мари. Больше я его не видела.

– Значит, он так и не увидел ребенка?

– Да, – смотрит на меня с плохо скрываемой печалью.

– Ясно. Как он себя чувствовал?

Ей едва ли удастся скрыть негодование. Оно и понятно. Я сам должен был знать, как чувствовал себя мой брат.

– Он никогда не жаловался. Ни на что. Каждый раз, когда приезжал, я замечала внешние перемены. Не стремительно, но всё же заметно терял вес. Но Янис объяснял это поганой диетой, которую он был вынужден соблюдать в клинике.

– И он не нуждался в посторонней помощи, когда приехал сюда на несколько месяцев?

Лея отрицательно качает головой и словно старается подобрать правильные слова, выискивая их в пространстве.

– Поначалу нет. Почти каждый вечер мы ходили пешком на набережную или спускались на пляж, а, съев мороженое на лавочке или выпив кофе, возвращались обратно. Раз в неделю он ездил в клинику. Сдавал анализы и наблюдался у врача. У него был хороший аппетит и он крайне редко позволял себе обеденный сон. Говорил, что не хочет тратить время попусту. Садился на террасе и читал книги, а за ужином пересказывал мне сюжет. Я всё время удивлялась количеству его энергии, которой хватило бы ещё на целую жизнь и абсолютному смирению с обстоятельствами.

– Что это значит?

– Янис был полон жизни, – с осторожностью отвечает Лея, глядя в мои глаза. – Существовали только три вещи, которые могли заставить его усидеть на месте: трапеза, книга и ожидание, когда малышка начнет забивать голы в моем животе. Но при всей его немыслимой активности, не было и дня, чтобы он не сказал что-то в будущем времени, подчеркивая тот факт, что его самого в нем уже точно не будет. Мы могли завтракать и смотреть фильм, а он совершенно невозмутимо говорить о том, чтобы я обязательно посмотрела вторую часть, которая выйдет через пару лет. Он сделал в моем телефоне сотни напоминаний на несколько лет вперед и при этом вел себя так, словно это нормально. Словно нет ничего пугающего и болезненного в том, что когда прозвенит этот колокольчик в телефоне, его самого уже не будет... Непокколебимое спокойствие и смирение с тем, что скоро настанет конец... Это было для меня дико. Но я старалась подыгрывать, ведь пусть лучше так, чем... – Замолкнув, Лея опускает растерянный взгляд в свою кружку. Делаю глоток кофе, но вкуса совсем не ощущаю. Слушать о другом Янисе, которым он стал и с которым мне уже никогда не познакомиться, слишком жестоко.

Схватив чашку, в которой всё ещё есть чай, Лея выходит из-за стола и чуть ли не бежит к мойке. Возможно и ей причиняет боль этот разговор. Она выливает содержимое, споласкивает, но всё равно оставляет чашку в мойке. Её плечи напряжены, голова опущена. На долю секунды жалею, что затеял этот разговор, но напомнив себе, из-за кого я здесь и почему, от этого чувства не остается и следа. У всякого решения есть последствия. Неопытность и юный возраст тому вовсе не оправдание.

– Ты тоскуешь по нему, – говорю, опустив запястья на край стола. – Это заметно. И, наверное, тебе нелегко принять тот факт, что Янис тебя обманул, сказав, что у него нет семьи.

– Я не считаю, что он обманул меня, – отвечает она, повернувшись ко мне. – Он сделал больше, чем обещал. Янис стал мне другом, которого сейчас мне действительно не хватает. А умолчал он о своей семье, потому что навряд ли есть, чем гордиться.

И снова вокруг нее выстраивается оборона. Девчонка упряма, не боится нападать. И я не могу не признать, что меня подкупает это её желание сохранить в памяти только самое лучшее о Янисе. И возможно, что она единственная, кто действительно знает его исключительно с хорошей стороны.

– Как думаешь, друзья поступают так, как поступил с тобой Янис? Уверен, вы провели много славных дней и ночей вместе, делая друг с другом самым сокровенным. То, что он рассказал мне о твоих многочисленных проблемах в прошлом на жалком клочке бумаги, тоже не дает тебе повода считать его предателем?

Лея так смотрит на меня, так пронизывающе-осуждающе и одновременно с этим настолько жалостливо, что даже грохот грома и мгновенно обрушившийся на землю ливень не способны похитить её внимание. Не знаю, стал ли Янис для нее больше, чем другом, свалившимся с небес, но то, что она с завидной воинственностью стоит за него горой, накладывает шов там, где течет кровь моих терзаний.

– Ты сказал, что хочешь знать о последних месяцах жизни брата. Что для тебя это важно. Но всё, что ты говоришь сейчас, лишний раз доказывает мне две вещи: ты его ненавидишь и он не зря пожелал сделать вид, что тебя не существует.

– Тогда зачем он рассказал мне правду? Он написал это письмо за пятнадцать дней до смерти. Очевидно, что сделал он это именно здесь. Янис сообщил мне обо всем, что вас связывает. Как и каким образом, – смотрю на нее в упор. – Ты не думала, что он поступил так, потому что понимал, что не сможет довести дело до конца?

– Иными словами, если бы Янис был здоров и полон сил, он бы относился ко мне, как к суррогатной матери и после рождения ребенка сразу же забрал бы его в свою семью, о которой ни разу не вспомнил? Ведь ты на его месте поступил бы именно так, верно?

– Ты хоть когда-нибудь слышала историю о том, как женщины рожают детей от незнакомых мужчин, с которыми знакомятся в баре? Эй, официантка, не хочешь родить мне ребенка, а я обеспечу тебя до конца твоих дней! Только ребенок останется у тебя. И фамилию он будет носить твою. Придумаешь ему отчество, если захочешь. Но ты просто роди его от меня, воспитывай и получишь целое состояние! Так ты себе это представляешь, Лея?

– Очевидно, что ты очень плохо знал своего брата. И даже, если бы он объяснил тебе свои мотивы, сомневаюсь, что ты бы хоть что-то понял.

– Хочешь сказать, что ты поняла его мотивы и намерения? Для тебя были важны деньги и только. Ты хотела решить финансовые проблемы, и предложение Яниса было воистину волшебным. Если он ни разу не сказал вслух, что ты должна отдать ему ребенка, это вовсе не значит, что он этого не хотел. Янис был болен. И уже то, что он намудрил всё это, лишний раз доказывает невозможность отдавать отчет своим действиям. Вот почему я здесь, Лея. Потому что только я могу довести это дело до логического завершения, и Янис это понимал. Ты совсем не знала его.

Резкий порыв ветра врывается в комнату запахом летнего дождя. Лея спешит к раздвижным дверям, закрывает их, а потом подходит к ближнему от них окну и пытается закрыть его, но створка не поддается. Её волосы летают в воздухе вместе с тюлем. Когда я подхожу помочь, она с силой отталкивает меня, дыша тяжело и прерывисто. В уголках глаз сверкают слезы-алмазы, губы напряжены, вот-вот и обнажатся острые клыки. Но при всей внешней ярости, внутри Лея напугана, как котенок. Она смотрит на меня с ненавистью вселенной, но дышит так часто и коротко, словно я только что смертельно ранил её. Молнии за окном сверкают одна за другой, гром будто слоится, один грохот накладывается на другой, превращаясь в один бесконечный и тяжелый удар.

– Мари – моя дочь! Она только моя! Я понятия не имею, чем руководствовался Янис, сообщая тебе о нас. И даже если на то есть немыслимая, но веская причина – мне глубоко начхать на нее, понял?! Яниса нет и на мои вопросы он не ответит! Так что всё, что я могу тебе отдать – здесь! – разводит она руки в стороны. – Забирай этот дом, который он построил для нас! Забирай машину, которую он подарил мне! Забирай деньги, которые лежат на банковском счете! Да, ты прав, это всё должно принадлежать его семье, а не какой-то официантке. Ты уж прости, я не знала, что есть кто-то ещё. Но Мари – моя. Она только моя. Я не бесчувственный инкубатор, я её мама! – толкает она меня в грудь.

Обхватываю её запястья и крепко держу перед разгневанным личиком. Шелковые волосы подбрасывает ветер и те щекочут мне шею. Смесь ненависти и страха сотрясает её тело. Она дрожит, но смотрит на меня с нескрываемым вызовом. Хочет что-то сказать, размыкает губы,

но не решается. Она бросится в бой, не оглядываясь, если дело коснется её дочери. Она мама, которая будет бороться за нее до самого конца.

Поздно понимаю, что мои ладони горят от ледяной кожи на её запястьях. Пульс под ней быстрее скорости звука. Напряжение её тела толкает мои мысли не в ту сторону. Его можно резать ножом на кубики и складывать в высокие башни. Но я ловлю себя на мысли, что хотел бы почувствовать его мягкость. Ощутить податливость текстуры, будто нежный песок на дне моря, согласный на любые манипуляции. И вдруг Лея закрывает веки, но поймать слезы не успевает. Те катятся к крыльям острого носика и, обогнув их, затекают в ямочку над верхней губой. Мне не раз доводилось видеть женские слезы, но всё, что они могли вызвать во мне – безнадежную скуку. Возможно потому, что их причиной становился я, не желающий усложнять то, что должно оставаться легче перышка. А возможно, я просто ещё никогда не видел настолько их искренний блеск. И снова предательское чувство вины грызет мои кости. Не могу отвести глаз от соблазнительной впадинки и стекающего по центру губы ручейка.

– Мари – всё, что у меня есть, – произносит Лея и обреченно опускает голову. Я лишен возможности продолжать визуальное знакомство с её чувственными губами. – Что за ерунда происходит...

Стоит только зазвонить её сотовому, как она тут же спохватывается и вырывается из моих рук. Спешит к столу, свободная рубашка оголяет правое плечо. Кожа загорелая, светится бронзой под лампами... Отворачиваюсь и нахожу себе занятие: закрываю окна. Это лучше, чем думать черт знает о чем.

– Привет, солнышко! – говорит Лея, скрывая за улыбкой застрявшие в горле слезы. Голосок у нее сдавленный, но она маскирует его ради любимой дочери. – Как прошла очередная встреча с дельфинами? Алло? Мари?

Закрываю последнее окно и бросаю на Лею взгляд через плечо. Она смахивает слезы с лица, прислушиваясь к голосу в трубке. Непогода бушует, подстать обстановке.

– Да, теперь слышу. Что у вас там происходит? – Вижу, как стремительно увеличиваются зеленые глаза. Подхожу к ней ближе, но она не видит меня вовсе. Просто смотрит перед собой, не моргая. – И как долго это будет продолжаться? Как Мари? Что она делает? Мари, милая, как ты? Нет, нет, не плачь, пожалуйста! Уже завтра вы с Элиной вернетесь домой и я буду ждать тебя... Мари? Я тоже скучаю, солнышко... Мари, пожалуйста, не плачь. Иначе я тоже буду грустить. Мы скоро увидимся, – отворачивается, опустив ладонь на лоб. – Я очень тебя лю... Алло?

– Что случилось? – Снова встаю перед ней. – Лея, что случилось?

Она пытается снова дозвониться до подруги, но связь не устанавливается. Резко выдохнув скудную долю накалившихся нервов, Лея распаивает взгляд:

– Мне больше нечего тебе рассказать. И мне не до разговоров, так что прошу тебя уйти. Пожалуйста.

– Но я хочу помочь. Просто скажи, что случилось? Что-то не так с дочерью?

Меня тут же обдаёт огонь изумрудных глаз. Она не глупая и знает, что возможно я смогу ей помочь, но продолжает отчаянно сопротивляться.

– Где Мари и твоя подруга?

– Они на коралловом побережье, – отвечает она, продолжая звонить подруге. – Элина сказала, что от ливня дорогу размыло и из города не выбраться. Они должны были вернуться завтра утром, но в нашу сторону дорога перекрыта.

– А что с Мари? – уточняю и на удивление не зарабатываю визуальную пощечину.

– Она плачет. Хочет к маме и домой. – Лея подносит телефон к уху. Достая свой из кармана джинсов, как вдруг снова звучит её приглушенный голосок: – Влад, привет. Не отвлекаю?

Отхожу к окну, чтобы поговорить с Олегом, но набирать его номер не спешу. Хочу точно знать, что Лее нужно от некоего Влада.

– Спасибо, – отвечает она с вынужденной улыбкой. Наверное, собеседник забрасывает комплиментами, которые она считает сейчас совершенно неуместными. – Да, спасибо. Рада, что понравилось. Влад, скажи, ты сейчас в Фусфе? А-а... Ясно. Да, я в курсе, подруга звонила и рассказала... Мари сейчас там с ней. – Судя по тяжелому вздоху Владик сейчас не в Фусфе и ничем помочь не может. И он продолжает говорить что-то далеко не обнадеживающее. – Вот же черт. Легко сказать, Влад. Это наше первое расставание... Разумеется, я очень волнуюсь, – говорит почти шепотом. – Да. Что ж, хорошего тебе отпуска. Нет, нет! Ничего страшного. До встречи.

– Ты отправила дочь на другое побережье, чтобы я не смог с ней увидеться? – спрашиваю сразу, как только она завершает телефонный разговор. Кликаю пальцем на номер Олега. – В Фусфу, которая, насколько мне известно, каждое лето страдает даже от моросящего дождика?

– Если бы ты не свалился на наши головы, моя дочь была бы сейчас со мной!

– Я виноват? – смотрю на нее в упор. – Думаешь, я просто возьму и выхвачу ребенка из твоих рук, а потом увезу в неизвестном направлении?

– Я не знаю, на что ты способен, потому что впервые вижу тебя! – повышает она голос. – Ты заявляешься сюда, ведешь себя так, словно все мои чувства атрофированы и потому мне можно с успехом вешать лапшу на уши! Откуда мне знать, что у тебя на уме, если ты в который раз прямо заявляешь, что я должна отдать тебе свою дочь, словно она предмет мебели?!

– Надеюсь, ты наслаждаешься непревзойденной акустикой в кинотеатре? – спрашивает Олег. – Потому что если на тебя повышает голос одна из девочек, которых я отправил, я их ой как накажу.

Окинув меня полным разочарования взглядом, Лея покидает комнату и, кажется, бежит вверх по лестнице.

– В ближайший час яхта может выйти в море? – спрашиваю, испытывая смесь злости и вины. Первое усиливается от второго. Второе от первого. – Мне нужно попасть в Фусфу.

– В Фусфу? Что ты там забыл? На город обрушился ливень и тот в очередной раз тонет. Если хочешь сменить обстановку, соверши прогулку по побережью Розового песка. Городки там маленькие, но посмотреть есть на что, да и туристов намного меньше, чем...

– Мне нужно попасть в Фусфу, – перебиваю и подхожу к лестнице. Любопытно знать, почему Лея обратилась за помощью к Владу. Наверяд ли он её парень, но всё же – почему первый звонок достался ему? – В такую погоду яхта может выйти в море?

– Разумеется, яхта может выйти в море! Я же тебе говорил, в любое время дня и ночи. Но причалить не получится, поскольку в Фусфе стоянка только для малогабаритных катеров. Придется бросить якорь подальше от берега и пересаживаться на тендер. Да и сейчас там очередной потоп! Реки выходят из берегов в горах и затапливают город. Там пробки, машины тонут, спасатели эвакуируют жителей и туристов. Те как обычно в шоке, но из года в год прут в этот паршивый городишко! На кой черт тебе понадобилось туда?

– Олег, собери команду, – говорю, прислушиваясь к шагам Леи. – Через полчаса я буду на яхте.

– «Будешь на яхте»? А кто тогда так звонко верещал, если не девочки, которых я...

Заканчиваю разговор, потому что Лея возвращается. Когда она останавливается на лестничном пролете, её беспокойный взгляд полон уставшего от меня негодования.

– Я отправляюсь в Фусфу. Если ты со мной, возьми необходимые вещи до завтрашнего дня.

– В Фусфу? – произносит она, очевидно, забыв, как дышать. Между ключицами снова проявляется соблазнительная ямочка, к которой мой непослушный взгляд буквально приклеивается. – Но дороги размыло. Как ты собираешься проехать?

– По морю. Поторопись, Лея. Насколько мне известно, в городе уже началась эвакуация.

Беспокойный взгляд распаивается, полные губы приоткрываются, и их обладательница снова спешит вверх, оставив меня наедине не с самыми приличными мыслями. Иду в прихожую и по пути пинаю одну за другой, как футбольные мячи. К тому моменту, когда Лея спускается с небольшой кожаной сумкой в руках, мне почти удается их приструнить. Но стоит только увидеть, как шелковые волосы ласкают её вновь обнажившееся плечо, я снова задумываюсь... И как ей только удастся сочетать миловидную внешность молоденькой девчонки с очевидной зрелостью женственного тела?

10. Лея

По пути к набережной я без конца пытаюсь дозвониться до Элины, но тщетно. «Абонент не абонент» или что-то вроде того сообщает автоматический голос. Набираю номер отеля, в котором они остановились, но там постоянно занято, и оттого воображение разыгрывается на полную катушку. Чувство вины медленно откусывает от меня по кусочку. О вечных катаклизмах Фусфы я слышала не раз и знала, что в ближайшие дни ту часть полуострова накроют дожди, но какого-то же черта отправила туда свою дочь, будто иных мест спрятать её от настойчивого дядьки не нашлось! Но в качестве оправдания на ум тут же приходит воспоминание о каменной глыбе льда, застрявшей в моем горле, когда два дня назад на яхте Витан прямо сказал мне вернуть ему Мари, потому что в ней течет кровь его семьи. Мчась домой, я только и думала о его существенных возможностях. В попытке добиться своего он непременно воспользуется всем, чем можно и нельзя, а моим главным оружием останется статус одинокой матери. И вот я снова иду к его роскошной яхте, заряженной охраной со всех сторон, и чувствую себя так же беспомощно, как когда осталась без любимого человека, без крыши над головой и без шансов на осуществление заветной мечты. Я это чувствую, потому что энергия Витана подавляет меня. Он старше, он хитрее, умнее, опытнее, смелее, жестче... Он мужчина, черт возьми, по несгибаемому взгляду которого можно без труда понять, что идти на компромисс не в его стиле. Существует лишь его мнение и оно всегда правильное. И я знаю, что он отправляется в Фусфу не потому, что его племяннице страшно и она хочет скорее вернуться домой. Витан делает это исключительно ради себя и возможности скорее познакомиться с Мари, ведь я могу найти ещё несколько десятков вариантов, как оттянуть этот момент.

Поднимаюсь на борт следом за молчаливым хозяином. По дороге сюда он не проронил ни слова, что несомненно усиливало мое напряжение. Он обменивается рукопожатием с капитаном, приветствует выстроившуюся в ряд команду: четверка невысоких женщин и пятеро мужчин. На них бело-голубая униформа, приветливые улыбки и неподдельное желание во всем угодить хозяину и его гостям.

– Витан Архипович, мы готовы к отплытию! – сообщает капитан.

– Отлично. Нам нужно как можно скорее оказаться вблизи Фусфы. Так что выходим в море немедленно.

– Позвольте отнести ваш багаж в каюту? – спрашивает меня улыбчивая стюардесса. Думаю, она главная из женской четверки. – Меня зовут Марина. Если вам что-то понадобится, смело обращайтесь ко мне или девочкам.

– Хорошо. Спасибо, – благодарю её и отдаю сумку, в которую набросала уже и не помню что.

– Проведите гостью в салон, – командует Витан и останавливает на мне короткий взгляд. – Я скоро подойду.

Хочется ответить, что со мной не нужно возиться. Я не из тех его гостей, которым требуется внимание и бестолковые разговоры. Но я молча следую за Мариной к затемненным стеклянным дверям, разделяющим открытое пространство от... салона. Наверное, так здесь называют гостиную или любое другое помещение, в котором можно приятно провести время на мягком диване и посмотреть телевизор. Только захожу внутрь огромного и невероятно роскошного пространства, как в меня чуть ли не врезаются две девушки: блондинка и брюнетка. Обе высокие, стройные, а их буфера... По сравнению с ними мои сиськи просто фурункулы на спине несчастного подростка.

– Привет! – говорят мне синхронно и обходят с двух сторон. – Как дела?

Девицы хохочут, шампанское в хрустальных бокалах проливается, стекая по тонким пальцам. От них пахнет терпкой ванилью и настойчивым пряным пачули, чья изысканность

теряется на фоне излишней сладости. Слишком насыщенный для меня аромат, от которого в два счета разболится голова. Оказавшись снаружи, девицы в обнимку подходят к Витану. Я не вижу его лица, но не сомневаюсь, что двум подружкам-коллегам удалось завладеть его вниманием. Уже вечер, сумерки сгустились, но их длинные ноги светятся бронзовым перламутром. Не знаю, почему, но я уверена, что под короткими платьями нет ничего, кроме тщательно удаленной от лишних волосков зоны бикини, которая светится так же, как и ноги.

– Желаете что-нибудь выпить? – отвлекает меня доброжелательный голос. – Или перекусить?

Марина стоит между двух огромных диванов в форме полумесяца, а позади нее стойка с встроенным телевизором, декорированная зеркальными песочного оттенка плитками.

– Нет, спасибо. – Я чувствую себя неловко и думаю, она это понимает. Я совсем не похожа на тех девиц, которые скрашивают скучные дни Витана на этой яхте. Мне кажется, я совсем не подхожу для этого места даже в качестве кратковременной гостьи. – Мне нужно позвонить.

– Я уже уйду, – понимающе кивает Марина. – Если что, только позовите!

Женщина выходит через противоположные двери, и я достаю сотовый из сумочки. Звоню Элине, в отель, но результат всё тот же. Вижу пятнадцать уведомлений из канала местных новостей в мессенджере и, пока жду, когда загрузится весь список, мой взгляд вновь возвращается к двум девицам, повисшим на плечах Витана. Они заглядывают в его беспристрастное лицо, склонив на бок головы, и будто уговаривают немедленно проверить их профессиональные навыки. К девушкам подходит широкомордый охранник и, очевидно, просит их покинуть судно.

От бессмысленного наблюдения отвлекает вибрация телефона. На информационный канал обрушиваются публикации одна за другой...

«Очередной потоп в Фусфе».

«На Корабельной улице остановилось движение».

«Три автомобиля с людьми унесло течением в море».

Ужасаясь коротким видео очевидцев, чувствую легкую вибрацию под ногами. Капитан завел двигатель. Закрываю мессенджер, ибо и без этих наглядных страстей в голове торжествует бал самых страшных кошмаров любой матери, чей ребенок находится вдали от нее.

Я полная идиотка. Уже во второй раз являюсь победительницей в номинации «мамаша года». Помню, как первый день в детском саду стал испытанием для нас обеих. Мари рыдала, не отпускала меня, и даже сотни новых игрушек не могли завладеть её вниманием. Я оставила её всего на пару часов, но даже за это короткое время чуть не сошла с ума. Нам обоим было очень тяжело смириться с новым обстоятельством, но я понимала, что общение с другими детьми и смена обстановки важная часть её маленькой социальной жизни. И хотя у меня разрывалось сердце от её мольбы и рыданий, я делала так, как считала нужным. Потому что так правильно. И в саду ей ничего не угрожало. Но каким местом я думала, когда садила Мари в машину и отправляла в городок, славящийся не только огромным дельфинарием, но и вечными потопами в непогоду?!

Я паршивая мать. Зеленая, наивная и очень глупая. Нет, я тупая мать! Просто тупая мать.

– Не удалось дозвониться до подруги?

Властный мужской голос, как треснувший по спине кнут, запрещает мне наматывать сопли на кулак.

– Нет. Абонент недоступен. Не понимаю, в чем дело.

Витан обходит меня и останавливается в нешироком проходе между диванами.

– Присаживайся, – говорит, оглянувшись.

– Я постою.

– Мы подойдем к Фусфе через час, – поднимает широкую бровь. – Будешь стоять на ногах целый час?

– Это запрещено?

Мой голос искрит ожесточенностью и меркнет в глубокой тревожности. Одна часть меня благодарна Витану за возможность в ближайшие часы вернуть дочь домой. Но другая ненавидит за инициативность, которой мне сложно дать адекватную оценку. Привез мне лекарства – спасибо. Приехал просто узнать, как я чувствую себя – маловероятно. Ему нужна Мари. И сейчас мы плывем на этой махине в море, потому что ему нужна моя Мари. Да, возможно Витан и не выхватит её из моих рук, но он точно завладеет её вниманием и заручится наивным детским доверием.

Мои мысли, как снежный ком, катящийся с вершины горы. Смотрю на Витана и пугающих вероятностей прилипает всё больше, увеличивая ком в размерах. Выхожу из салона через стеклянные двери, не в силах выдержать на себе молчаливый и осуждающий взгляд. Мы неспешно отдаляемся от набережной, туристы фотографируют яхту, дети машут руками и восторженно верещат, радуясь тянущемуся за ней хвосту белой и взъерошенной воды. Даже непогода им не помеха. Подхожу к металлическому ограждению и впервые задумываюсь о том, что творилось в мыслях Яниса, когда я согласилась родить от него ребенка. Что он подумал обо мне, когда я промолчала, узнав, что у него нет семьи? Обрадовался, что ему в руки угодила настолько туповатая подопытная мышь? Или разочаровался, ведь недостаток ума наверняка мог передаваться по наследству и его ребенку. И возможно, существовали десятки других претендентов, но они были намного умнее меня, а значит, и любопытнее.

Зачем я об этом думаю? Зачем позволяю дурным мыслям испоганить образ Яниса, который перевернул мою жизнь? Который невольно уберег меня от ошибок, вполне имеющим место быть, ведь я бы ни за что не вернулась к своей семье, от которой остался лишь жалкий огрызок.

Судно увеличивает скорость, и ветер срывает с моего плеча рубашку. За шесть лет жизни на полуострове, я никогда не видела его с моря. Он светится, похож на фигуристую даму, позирующую влюбленному в нее художнику. Она легла и борется со сном, а сумрачное небо, будто плотное покрывало, вот-вот накроет её обнаженное тело... Фантастический вид.

Ветер пробирается под рубашку. Я закрываю глаза лишь на пару секунд и представляю, как моя малышка прижимается ко мне, и я шепчу ей, что больше мы никогда не расстанемся. Но, когда вновь устремляю взгляд на удаляющееся побережье, слева от меня уже стоит Витан. Он наклоняется к металлическому ограждению и опирается на широкую трубу локтями. На его висках совсем короткие волоски, но те, что ближе к макушке, ерошит ветер. Он смотрит вдаль и не догадывается, что мой непослушный взгляд принимает участие в забеге по его загорелой шее. Увожу глаза на крошечные огоньки впереди, но они снова и снова возвращаются к мужчине, чье внезапное появление вызвало моментальное беспокойство, которое ничуть не утихло за прошедшие дни.

– Я знаю, о чем ты думаешь, – вдруг говорит Витан, повернув ко мне голову. Не знаю, успел ли он поймать меня с поличным, но сердце у меня вот-вот выпрыгнет из груди. Ещё не догадываюсь, о чем он толкует, но этот его непривычно беззлобный взгляд разом отключает мою личную охранную систему. – Любая ответственность требует колоссального количества энергии. А любая внештатная ситуация эту энергию сжигает на раз-два. Когда её остается слишком мало, человек принимает решения, не задумываясь о возможных последствиях. У него просто не остается сил для всецелого анализа ситуации и он действует, повинувшись инстинкту. Не вини себя. Ты просто мама, которая хотела, как лучше.

Я не сразу нахожусь с ответом. Его слова переагружают мой мозг... или вовсе отключают. Витан вновь смотрит на огни Бриллиантового побережья, а мои глаза обводят контур выпирающих из-под рубашки-поло мышц. Пытаюсь взять себя в руки и не показывать слабинку, которая в данную минуту имеет место быть.

– Признаешь, что представляешь для меня угрозу и что я поступила правильно, отправив без двух недель пятилетнюю дочь подальше от себя и дома?

Я бы хотела, чтобы мой голос звучал увереннее и жестче. Чтобы, несмотря на очевидную благодарность за помощь, Витан понимал, что я всё так же обороняюсь и не доверяю ему. Но растерянность меня подводит.

– Я признаю, что твои действия обоснованы, – отвечает он, продолжая смотреть вперед. Напряжение квадратных скул на долю секунды похищает мой взгляд. – И причина тому неправильная формулировка целей с моей стороны, а с твоей, – вдруг поворачивает он ко мне голову, – шибко богатая фантазия. Я не чудовище, Лея. Я просто хочу познакомиться с Мари.

– Ты не похож на человека, который за пару часов готов изменить свое мнение, – говорю откровенно. – Ты приехал ко мне и снова потребовал отдать тебе мою дочь, а теперь успокаиваешь меня и говоришь, что перепутал слова местами и на самом деле просто хотел с ней познакомиться, а я глупая не так поняла. Я благодарна тебе за помощь. У меня нет друзей и знакомых, которые владели бы всеми видами транспорта и с радостью отправились в тонущий город, чтобы вернуть Мари домой. Но неужели ты думаешь, что я потеку перед тобой, как маслице в жару, и поверю в то, что ты вдруг решил оставить цель не достигнутой? Она безжалостная и совершенно мне непонятная. И в твоих глазах я вижу всё то же, что и в первый день нашего знакомства – желание непременно добиться своего и плевать, что кому-то твои решения причинят боль и что всё это совершенно неправильно. Оставь попытки навешать мне на уши как можно больше лапши. Понимаю, проводя много времени с молоденькими девушками, которые помимо своей основной деятельности, практикуют ещё и недоразвитость, можно привыкнуть к этому и думать, что все женщины именно такие. Но уверяю тебя, это глубокое заблуждение. Официантки не так наивны, как ты думаешь.

Кажется, я увлеклась. Упомянуть о тех девицах, которых оставили за бортом, не стоило. То, как Витан коротает свободное время, не моего ума дело. Но зато я в крайне вежливой форме высказала всё, что думаю о нем и этой жалкой попытке втереться в мое доверие.

– Я сожалею, что наговорил тебе столько глупостей. Это случилось из-за ошибочного мнения, которое сложилось о тебе, – говорит Витан, развернувшись ко мне. Он опирается о металлическое ограждение поясницей и скрещивает длинные ноги. – Извини меня за далеко нелицеприятные слова. Такое случается, когда после смерти брата проходит пять лет и ты вдруг узнаешь, что он подарил результаты своих бесконечных трудов незнакомой девушке, с которой познакомился в баре. Пять лет его родители думают, что свое состояние он потратил на дорогостоящее европейское лечение, но оказалось, что он просто подарил его официантке. Первоначальное мнение о тебе, основанное на нескольких словах в письме, вполне оправдано, как считаешь? Ведь, увидев здесь двух веселых девушек, ты даже мысли не допустила, что я понятия не имею, кто они такие и откуда взялись. Ты решила, что я трахаю их ночи напролет, потому что у меня до хрена и больше свободного времени. И даже, если я скажу тебе, что впервые их вижу, ты всё равно останешься при своем мнении. Разница между нами в том, что я, проведя с тобой совсем немного времени, уже признаю, что ошибался и дал неверную оценку твоей личности. Я хочу наладить с тобой контакт, Лея. Дай мне возможность исправить твое первоначальное обо мне мнение.

Устремленные на меня глаза завораживают. Нет... Сбивают с толку. В них рассыпались обжаренные кофейные зерна и мне кажется, что я чувствую их аромат.

– Витан Архипович, напитки готовы и ждут вас наверху, – сообщает одна из стюардесс.

– Спасибо. – Девушка уходит прочь по левому борту, а Витан кивает мне в сторону одной из закругленных лестниц. – Выпьем кофе?

– А ты ещё не напился?

Мои слова вызывают у него ухмылку, что моментально отдается во мне предательским трепетом. Элина права, этот мужчина чрезвычайно привлекателен. Невольно задумываюсь,

что именно делает его таким? Деньги, наделяющие властью и возможностью окружить себя неповторимой роскошью? Или же всё идет изнутри, как любят петь в песнях и писать в книгах?

– Я сказал, чтобы заварили вкусный чай, – добавляет он, бросив взгляд на темное небо.

Молча киваю и вновь послушно слеую за ним. Только теперь Витан пропускает меня вперед и, когда я поднимаюсь на первую ступень, наши взгляды невольно встречаются, от чего мне становится как-то уж слишком волнительно.

11

Присаживаюсь на мягкий диван, заправляя за ухо длинные пряди. Я здесь уже «отдыхала» три дня назад, и тогда я зарядила болезненную пощечину наглому собеседнику, а потом отправила дочь подальше от дома. На квадратном столике две белые чашки, стеклянный заварочный чайник, изящная ваза, похожая на медузу, а внутри шоколадные конфеты в разноцветных обертках. Мари бы сейчас истекла слюной и придумала сто тысяч вариантов, как бы уговорить меня позволить ей съесть половину содержимого. На другом столе стоят ещё две белые чашки, но в них черный кофе.

– Кофе, чай? – спрашивает Витан.

– Чай.

Он садится напротив, на то же место, что и три дня назад, и наливает для меня коньячного оттенка напиток, наполненный ароматами апельсина, бергамота и мяты. Себе он поближе ставит чашку с кофе.

– Не много ли кофе ты употребляешь?

– Твой был слабеньким.

– Это потому, что я пожадничала с зернами. – Витан поднимает на меня улыбчивый взгляд, и я не в силах противостоять ему. Предательский инстинкт. Добавляю сахар в кружку и размешиваю. – Я пью только растворимый кофе, а в зерновом мало что понимаю.

– Зачем тогда тебе кофемашина?

– Янис считал, что кофемашина в доме – признак уважения к его гостям. – Поднимаю глаза на Витана, чье выражение лица обрело привычную прохладу. – Среди них обязательно найдется ценитель и страстный любитель кофе, который останется очень доволен приемом. Кажется, теперь я понимаю, почему он так говорил.

На сосредоточенном лице не дрогнул ни один мускул.

– В такую погоду яхта сможет пришвартоваться в порту?

– Нет. Порт рассчитан на стоянку малогабаритных катеров. Бросим якорь подальше от берега. Пересядем на тендер, заберем твою дочь и подругу, а потом вернемся обратно.

– «Тендер»?

– Небольшой катер для связи с берегом. В этой яхте их два.

– Ясно. В твоей огромной яхте есть ещё два катера. А теннисный корт на борту имеется?

– Насколько мне известно – нет. – Улыбчивый взгляд прячется в кружке с кофе. – Но я обязательно подкину эту идею хозяину.

– Ты арендуешь яхту?

Витан отрицательно качает головой и поудобнее располагается на диван.

– Она принадлежит моему старому другу, который любезно предоставил её мне в личное пользование. На некоторое время.

Должно быть, в моих глазах так и сверкает уточняющий вопрос, потому что улыбка Витана становится всё менее добродушной.

– Где именно остановились Мари и...

– Элина, – напоминаю. – Отель «Коралловый закат».

– Сейчас лето. Сезон отпусков. Как тебе удалось снять для них номер?

– Мари выиграла отдых в этом отеле. Две ночи в двухместном номере.

– «Выиграла»? – удивляется он.

– В марте после детского сада мы заехали в местный супермаркет. Она взяла свое любимое шоколадное яйцо, а потом на кассе увидела журналы с героями любимых мультфильмов. Схватила штук пять, но я сказала выбрать только один. Но у нее всё разбегались глаза, она никак не могла определиться. И тогда, я просто вручила ей первый попавшийся, а остальные

поставила на место. Дома она попросила монетку и стала стирать ею круглые окошки, под которыми прятались призы. Я готовила ужин, думала о том, как скрыть шов, а она вдруг подбегает ко мне и верещит, что у нее получился дельфин из окошек! – улыбаюсь я, вспоминая её счастливейшее личико. – Через пару дней нам прислали приглашительное в отель, дельфинарий и аквапарк. Я обещала ей, что этим летом мы обязательно там побываем. – Радость воспоминаний тут же сходит на нет. – Вот и побывали.

– Ей нравятся дельфины?

– Да, – не сдерживаю улыбку. – Она их обожает. Хотела бы я увидеть её глаза, когда она впервые встретила с ними.

Я снова увлеклась, позволила эмоциям ослабить бдительность. Пробую чай, но вкус ощущаю отдаленно. Мне некомфортно, осознавая, что прямо сейчас за мной наблюдают кофейные глаза.

– Что значит «думала, как спрятать шов»?

– То и значит, – отвечаю уклончиво и снова делаю глоток. – Думала, как спрятать шов, который не должен быть виден.

– Ты будущий хирург? – усмехается он.

– Думаю, что становиться хирургом мне уже поздно. Долго нам ещё плыть?

Витан едва заметно кивает, принимая мое нежелание отвечать на его вопрос. В очередной раз убеждаю себя, что это всего лишь его новая тактика – расположить меня к себе. Однако я не могу не признать, что мне хоть и беспокойно находиться в его компании, но всё же приятно. Это чувство предало мои намерения. Я не перестаю думать о том, что совершила непростительную ошибку, не поехав с ребенком в маленькое и долгожданное путешествие. Страх, невиданный мне прежде, завладел мной и не позволил изучить эту глупую идею под разными углами. И оступилась я из-за Витана, присутствие которого вызывает легкую дрожь в моем теле.

– Не долго, – отвечает он на мой вопрос и берет в руки сотовый, что всё это время лежал рядом на диване. – Кто такой Влад? – спрашивает, не сводя глаз с экрана телефона. – Твой парень?

– Почему сразу парень?

– Ты позвонила именно ему, после разговора с подругой, – теперь смотрит на меня. – Ты была уверена, что он тебе поможет.

– Если бы у меня был парень, то в моем доме ты бы точно не задержался.

– Сомневаюсь, – выдавливает он улыбку. – Так и откуда уверенность, что он может тебе помочь?

– Нет никакой уверенности. Просто Влад живет в Фусфе и работает в полиции. При каждой нашей встрече он повторяет: «Если что, звони мне». Вот я и позвонила.

– И он ничем не смог тебе помочь.

– У него отпуск. И он сейчас отдыхает в Турции.

Почему мне кажется, что Витан с трудом сдерживает смех?

– Но у него есть коллеги, которые могли бы выполнить его просьбу, – говорит и допивает свой кофе. – Например, съездить в отель, где находится Мари, и узнать, всё ли у них с Элиной в порядке? А если нет, то найти возможность отправить их обратно домой. Сделать можно всё, что угодно. Главное желание.

– Легко говорить, когда под задницей есть огромная яхта. И возможность оплачивать её наверняка очень дорогостоящее передвижение и обслуживание. Дело вовсе не в желании, а в возможностях. На современном языке это деньги.

– У тебя эти возможности тоже есть. Но ты всё равно звонишь Владу, который работает в полиции, и по итогу ничем тебе помочь не может.

– Я так понимаю, ты хочешь знать точную сумму, которая лежит на моем банковском счете?

– Мне это неинтересно, – отвечает он совершенно спокойно.

– Тогда к чему этот разговор?

Мне с трудом удастся сохранять самообладание. Да с ним же, как на карусели! То ли он забывает, что должен держаться новой стратегии и быть паинькой, то ли эти вспышки проявления реального мнения обо мне заранее предусмотрены.

– Давно не встречал женщин, которые не знают, как именно пользоваться имеющимися возможностями. И я говорю исключительно о деньгах.

– Верится с трудом.

– Ты могла бы сесть в вертолет и за двадцать минут оказаться в Фусфе. Дорога туда-обратно заняла бы чуть больше часа, с учетом дороги к отелю. Но ты позвонила Владу.

– Я позвонила Владу, потому что на свете ещё существует простая человечность, которая не нуждается в оплате. Люди помогают друг другу, потому что у них есть совесть, есть желание совершить доброе дело, которое в последствии вернется в десятикратном размере. Ты-то, конечно, не можешь этого знать, потому что привык всё делать за достойную оплату и так же платить за всё, что происходит вокруг тебя.

– В этом и заключается наша жизнь. Хочешь съесть торт – заплати за него и он твой. Хочешь, чтобы ребенок получил достойное образование – оплати счет и приготовься гордиться его успехами. Предугадывая твои мысли, скажу сразу, я это говорю не с тем, чтобы напомнить тебе о ваших договоренностях с Янисом, в которых вы оба друг другу дали что-то взамен. Я лишь хочу сказать, что любое доброе дело человек, в первую очередь, совершает ради себя и своих интересов. Этот Влад горы бы свернул ради тебя, дай ты ему повод считать, что за свой геройский поступок он что-то получит взамен. Ты ведь не глупая и сама это знаешь, – криво улыбается он и устремляет взгляд в темноту шуршащего моря. – Поэтому, я и не понимаю, почему ты сразу не воспользовалась своими возможностями, которые без труда отправили бы тебя в Фусфу к дочери и вернули обратно.

– Потому что есть ты, который преследует свой личный интерес.

– Я этого не скрываю. Как я уже говорил, я хочу познакомиться с Мари, но для этого мне нужно наладить мосты с тобой, потому что ты её мама. Да, – разводит он руки в стороны, – я совершаю доброе дело ради себя. Ты позволяешь мне помочь тебе, а я взамен получаю крупинку твоей благодарности. Только от тебя зависит моя возможность общаться с Мари. И сегодня я плачу за нее «геройским» жестом. Как тебе такой расклад?

– Слишком детализировано.

– Любое действие состоит из великого множества взаимосвязанных частей. Как мозг с его многомиллионными нейронными связями. Если его разобрать по кусочкам, то получатся всего лишь детали, некоторые из которых вызовут тошноту. Но, когда смотришь на мозг в целом, то несомненно понимаешь, что он фантастически необъятен. Что он настоящее произведение искусства, а не мерзкий и желеобразный орган. Понимаешь, что он неповторим и совершенен. Это же огромный механизм, изучить который не хватит и нескольких жизней. Ты согласна?

– Предположим, – неохотно соглашаюсь я, плохо понимая, к чему он ведет.

– Тогда, почему моя возможность помочь тебе не может расцениваться тобой, как обыкновенное доброе дело?

– Может, потому что ты разложил его на кусочки, и весь его шарм просто испарился?

– А разве тебе не стало спокойнее, узнав о каждом кусочке в отдельности? Так ты поняла, что я не представляю для тебя и Мари никакой опасности, что у моего действия есть причины и конечный результат, в котором я крайне заинтересован. Ничего плохого. Никакой опасности. Просто желание помочь, подкрепленное личным интересом.

В словах Витана есть доля правды: четко зная о его намерениях, мне действительно сделалось спокойнее, потому что больше не приходится играть в угадайки. Почти. Конечно, сказать можно всё, что угодно. Но Витан, думается мне, частенько прибегает к излишней прямолинейности, поскольку она не позволяет растрачивать его время впустую, ведь оно для него очень ценно. Я невольно сравниваю их с Янисом и, надо сказать, меня моментально настигает легкая волна облегчения, ведь они и впрямь очень похожи.

– Что Янис написал обо мне? – спрашиваю, заметив вздрогнувшие на мгновение уголки правильных губ.

– Это имеет какое-то значение, учитывая, что я признаю – мое первоначальное мнение о тебе было ошибочным?

– Меня твое мнение мало интересует. – Это не совсем так, но знать правду ему необязательно. – Но мне хотелось бы узнать, что Янис думал обо мне, когда писал письмо брату?

– Ты была влюблена в него?

– А ты умеешь отвечать не вопросом на вопрос?

– Так, всего лишь маленькое уточнение, – усмехается Витан. – Янис написал только о том, кто ты, откуда, что вас связывает и почему ты согласилась родить от него ребенка. Он не давал тебе характеристик и не высказывал о тебе свое личное мнение. Он просто сообщил мне о твоём существовании.

Мне не хочется в это верить. Не потому, что я ждала хвалебных слов в свой адрес и комплиментов. Но мне казалось, что мы с Янисом стали друг для друга не чужими людьми.

– Ты расстроилась, – констатирует Витан, не сводя с меня глаз. – Не стоит этого делать. Письмо было исключительно информативного характера, исключая любое проявление сентиментальности. А ты на мой вопрос не ответишь?

– Нет, – говорю и ставлю пустую кружку на стол. Витан успевает коротко усмехнуться, мол ничего другого он от меня и не ждал. Но я продолжаю: – Я не была влюблена в Яниса. Я уже говорила, что мы были просто друзьями. Почему он не рассказывал мне о тебе и своей семье? – спрашиваю прямо.

– Как ты недавно правильно сказала, Яниса уже нет и на наши вопросы он не ответит.

– Но есть ты – его родной брат, которому точно известно, почему он так поступил. И почему только спустя пять лет сделал так, чтобы я узнала о твоём существовании.

Витан молчит и смотрит на меня с нескрываемой усталостью в темных глазах. Не сомневаюсь, что он в силах объяснить многое, что пока остается для меня загадкой. Но он навряд ли снизойдет до объяснений какой-то паршивой официантке, ободравшей его брата до нитки. Не думаю, что мнение обо мне так уж и изменилось. Витан холоден, как и прежде, хоть и пытается подогреть лестной ложью исчерпывающую очевидность.

К нам поднимается стюардесса Марина и сообщает, что через пятнадцать минут мы сделаем остановку вблизи порта Фусфы. За разговором время пролетело незаметно.

– Спасибо за чай, – говорю Витану, когда женщина вновь испаряется. Мы навряд ли вернемся к обсуждению того, что интересует лично меня, так что продолжать беседу нет смысла. – Где я могу подождать остановку судна?

Оглядываюсь на палубу выше, не представляя, что там может быть, а когда снова смотрю на Витана, как бабочку, ловлю на себе его непривычно мягкий и безмятежный взгляд. Что-то совершенно мне неподвластное отзывается в ответ. Немыслимое притяжение сосредотачивается у зоны солнечного сплетения и раскачивает во мне море давно загубленных ощущений...

– Ты можешь остаться здесь, – отвечает Витан и, когда его темные глаза вновь покрываются ледяной сеточкой, он поднимается с дивана и подходит к железному поручню. Наклонившись над ним, он опускает локти, сцепив длинные пальцы в замок.

Пока его взгляд устремлен в черную бесконечность ночного моря, мой замороженно скользит по гордому и мужественному профилю с упрямым греческим носом, четко-очерчен-

ными губами и твердому, как камень, квадратном подбородку. Он как будто сошел с картины истинного мастера своего дела. Те две девушки, как и десятки других, навряд ли страдали от тяжести трудовых будней, когда их клиентом становился Витан. Не сомневаюсь, что удовольствие получали обе стороны.

– Мы с Янисом разные, – вдруг добавляет он, глядя на свои пальцы. – Я редко когда мог предугадать его мысли и действия. У тебя есть брат или сестра? – спрашивает, повернув ко мне голову.

– Нет.

– Тогда ты навряд ли сможешь представить, насколько противоречивыми могут быть отношения между братьями и сестрами. Мы с Янисом не общались девять лет. А в самый обыкновенный для меня день мне сообщили, что он умер. Не авария, не какой-нибудь несчастный случай, а продолжительная болезнь, о которой не знал никто, кроме никому неизвестной девушки, с которой его связывали дружеские отношения. Янис и дружба с девушкой, – печально усмехается он и снова устремляет взгляд на свои руки, – слишком сложно такое представить. Всецело доверять Янису – значит позволить ему в любой момент времени обвести себя вокруг пальца. По правде говоря, я рад, что в этом мире есть хоть кто-то, кто знает его только с лучшей стороны. И ты права, – смотрит он на меня, – он тебя не обманывал. Он просто умолчал, потому что гордиться и впрямь нечем.

В воздухе так и застывает печаль.

– Витан Архипович! – врывается молоденький мужской голос в атмосферу, полную внезапной откровенности на фоне ароматного моря. На верхней палубе мужчина, наверное, помощник капитана. – Через пять минут бросим якорь!

– Отлично. Подготовьте тендер.

– Есть!

Момент откровений канул в небытие. Витан смотрит на ручные часы, потом молча проходит внутрь этой (не знаю, какой по счету!) палубы, а меньше, чем через минуту, выходит обратно. К собственному стыду только сейчас понимаю, что за последний час не предприняла ни единой попытки дозвониться до моих девочек.

– Тебе нужно что-то взять с собой? – спрашивает Витан.

– Нет.

– Тогда пойдем вниз. Тендер спустят на воду и можем выдвигаться.

Я очень стараюсь сохранить прежний настрой нестигаемой защитницы своего, но меня постепенно ломает мужская откровенность. Я чувствую, как от моей брони отлетают детали. Витан говорит одному из мордovorотов отправиться на берег с нами, и тот послушно выполняет приказ. Залажу в стильный черно-коричневый катер с острым носом, напоминающий акулий, молча надеваю спасательный жилет, предложенный мне самим капитаном, и сажусь на последний ряд кожаных сидений.

– Уверены, что никто из ребят вам не понадобится? – спрашивает он Витана.

– Я сам поведу, – отвечает он, усаживаясь на место водителя. Или капитана... В общем, за глянцевое рулевое колесо из какой-нибудь дорогой породы темного дерева. – Вернемся меньше, чем через час.

– Именно столько у вас и есть до начала очередного ливня. Поднимется волна, так что лучше поторопитесь. В ветер судна из порта не выпускают.

Витан молча кивает и заводит двигатель. Мы плавно отплываем от яхты, а потом с подскоком мчимся в сторону сверкающего в огнях берега.

* * *

У мордovorота есть имя и оно совсем не состыкуется с его устрашающими мышцами, хмурым выражением лица и лысой головой.

– Боря, останься здесь! – говорит ему Витан, подав мне руку. Схожу с качающегося катера, который больше похож на водный лимузин, ощутив приятный ожог от прикосновения к крепкой мужской ладони. – Если планы изменятся, я позвоню!

Ветер усиливается, нагнетает тревогу, разбивая волны о деревянный помост длинной и широкой пристани, у которой пришвартованы всего несколько катеров. Порт Фусфы представляет собой растянутую букву «Ш». В свете ночных фонарей и непогоды, пристань выглядит пугающе одинокой.

– А у нас могут измениться планы? – спрашиваю, стараясь не отставать ни на шаг.

– Ливень с ветром – не самая безопасная погода для отплытия в море. Если не успеем, придется остаться на полуострове, пока ветер не утихнет.

Молния впереди будто разрезает ночное небо пополам.

– Тогда, нам нужно поторопиться! – говорю, чувствуя на коже брызги от волн. – Поймаем такси?

– Дойдем пешком, – ускоряет он шаг. – Так быстрее. Сейчас в городе пробки, дороги перекрыты. Нам повезло, что отель недалеко отсюда. Если поторопимся, через пять минут будем на месте!

В этом курортном городке я была лишь однажды, да и то проездом. В здешних краях Фусфа пользуется большой популярностью среди туристов, потому что говорят, что здесь есть на что посмотреть. Лично я знаю только то, что в нескольких километрах от города расположен самый большой дельфинарий на всем полуострове и что каждый уголок южного курорта, расположившегося у подножья гор, буквально напичкан отелями. Морозящий дождь оседает крошкой прохладных капель на наших лицах. Я удивлена, что Витан без труда запомнил дорогу к отелю, в котором совершенно точно никогда не был. Перед отплытием он только взглянул на данные в навигаторе, которых ему оказалось вполне достаточно для прокладки собственного маршрута.

Выходим на узкую и длинную улицу, вздымающуюся на холм. По обе стороны магазинчики для туристов с заоблачными ценами на сувениры и бары. Несмотря на паршивую погоду, здесь нешуточное столпотворение автомобилей, пытающихся выехать на главную дорогу. Людей здесь так много, что я даже рада прохладному ветру. В толпе мне всегда не хватает воздуха.

Витан идет впереди, распахивая плечами топчущихся на месте людей. Впрочем, для этого ему не нужно особо напрягаться. Он просто идет напролом, а они отскакивают от него, как капли дождя от асфальта. Где-то впереди воют пожарные сирены, подпевают им машины скорой помощи, а здесь в бесконечно длинной туристической зоне своя музыка и танцы. В прямом смысле этого слова.

Дорога к отелю действительно занимает у нас не больше пяти минут. Конечно, если бы я отправилась сюда сама, то мне бы понадобилось намного больше времени. Во-первых, мне сложно ориентироваться в незнакомом пространстве. А, во-вторых, минут двадцать ушло бы только на протискивание между отдыхающими, ведь я не настолько физически сильна, чтобы толкать их всех и не замечать этого. У широкой подъездной дорожки к семиэтажному зданию толпятся автомобили. Вокруг так шумно, что голова идет кругом. Машина скорой помощи подъезжает к сверкающему в лампах крыльцу, и мой тревожный взгляд моментально угождает в сети кофейных глаз.

Подлетев к длиннющей стойке администратора, называю фамилию Элины. Даже поздороваться забываю, но за меня это делает Витан.

– Номер пятьдесят пять!

– Что у вас с телефоном? – вместо благодарности бросаю я. – Почему вы не отвечаете на звонки?

– В каком смысле? Желаете остановиться в нашем отеле? – спрашивает тупорылая администраторша, но мы уже спешим к лифту.

Когда заходим в кабину и я жму на кнопку пятого этажа, Витан опирается спиной о зеркальную панель и прячет руки в карманах джинсов. Яркое от точечных светильников пространство не отличается просторами. Чувствую кожей исходящее от мужского тела тепло, смотрю на капельки воды, застывшие над широкими бровями.

– Не переживай, – говорит мне низким голосом. – Мы успеем отсюда выбраться.

Створки разъезжаются, и я выбегаю в длинный коридор. Тихонько стучу в глянцевую дверь номера «55» и ловлю вопросительный взгляд Витана.

– Вдруг Мари спит, – объясняю. – Не хочу, чтобы она испугалась.

Когда Элина открывает дверь, её глаза почти выпадают из орбит. Она набрасывается на меня, словно мы не виделись целую вечность и шепотом здоровается с Витаном. Вопросы светятся в её глазах, как прожекторы.

– Что с твоим телефоном? Я звонила тебе бесконечное количество раз!

– Поговорим о телефоне позже, идет? – напоминает Витан. – Нам нужно спешить.

– Мари спит? – спрашиваю, заходя в номер.

– Уснула минут двадцать назад, – шепчет Элина, кивнув на большую кровать, в которой спит мое солнышко. – Она меня ужасно напугала. Плакала навзрыд и я совершенно не знала, что делать.

Быстро собираю вещи в чемодан Мари. Туда же запикиваю её маленький рюкзачок.

– Как вы здесь оказались? Дороги ведь перекрыты!

– Машина стоит на стоянке при отеле? – спрашивает Витан. Мой взгляд моментально устремляется к нему, ведь я совершенно забыла о собственной машине.

– Да, здесь, – отвечает Элина, растерянно поглядывая то на него, то на меня.

– Буду ждать вас на первом этаже, – говорит Витан и забирает чемоданы. – Не задерживайтесь.

Я молча киваю в ответ и осторожно присаживаюсь на край кровати. Убираю шелковые волосенки с заплаканного личика и мое сердце болезненно сжимается.

– Она так и уснула в одежде... – Элина переминается с ноги на ногу, словно чувствует себя виноватой. – Я не стала её тревожить.

Напеваю на ушко любимую песенку, глажу пальцем по алой щечке. Мари издает протяжный детский стон, и вдруг припухшие веки плавно поднимаются. Говорю ей, что нам нужно спешить, потому что нас ждет увлекательное путешествие, которое мы не можем пропустить. Осторожно беру её на руки, она прижимается ко мне, бормочет, правда ли это я?

– Прости, что потревожила тебя, – шепчет Элина, когда мы заходим в лифт. – Мы возвращались из дельфинария, когда начался сумасшедший ливень. Пробки на дорогах, гром грохотал не переставая... Мари испугалась и хотела вернуться домой к маме... А потом она стала так плакать, что, если бы дороги не перекрыли, мы бы прямой наводкой поехали домой! У нее случилась настоящая истерика и я совсем не знала, что мне...

– Всё в порядке. Ты молодец. Я сама виновата, что отравила вас сюда, – поджимаю губы, представляя, какой стресс перенесла моя девочка. – Мне кажется, я забыла, что она ещё совсем маленькая... Но вот вы рядом. Я её держу и всё хорошо.

– Мамочка, – сквозь сон бормочет малышка. – Мы едем домой?

– Да, родная, – улыбаюсь, целую её в теплую шейку. – Мы возвращаемся домой.

12. Витан

Ручьи воды стекают по тротуарам, заливая оживленную улочку. Туристам начхать на происходящее. Они заплатили за отдых, а значит насладиться им не помешает даже цунами. Ветер переворачивает пластмассовые белые стулья у крыльца невзрачного бара, когда мы минуем середину пути. Инстинктивно оборачиваюсь, желая убедиться, что мои спутницы не отстают от меня, но почему-то взгляд задерживается только на Лее. Несмотря на то, что дочь уже в её руках, она по-прежнему выглядит тревожной. Она прижимает к себе Мари, словно из этой проклятой толпы может выпрыгнуть чудовище и отнять её. Наверное, она и обо мне так думает. Бровки сведены к центру, губы, к которым так и липнут мои глаза, приоткрыты, пропуская в горячий рот душный от столпотворения воздух с запахом дождя.

Я думал об этом. И думаю сейчас, спеша скорее вырваться из хаоса пьяных туристов. В моих руках детский чемодан и дорожная сумка, в которых, кажется, и нет ничего вовсе. Зато в голове моей валуны из самых непристойных мыслей. Впрочем, что непристойного в невинном поцелуе? После него не последует ничего более откровенного. Или последует? Я сожму её податливое тело в своих руках, втяну носом соблазнительный аромат на шею, а мой язык провалится в треугольную ямочку между ключицами... Наяву я бы никогда не позволил этому случиться.

– Мы точно сможем уплыть в такую погоду? – прерывает мои спутанные мысли встревоженный голосок. До пристани остается всего ничего, но я вижу, что Лея устала. Элина предлагает ей свою помощь, но она лишь отрицательно качает головой, с плохо скрываемым ужасом поглядывая на разбивающиеся волны. – Точно, да? Может, лучше остаться здесь?

От напряжения у нее дрожат руки. Сколько в ней? Килограммов пятьдесят с хвостиком? Я бы и хотел предложить свою помощь, но сомневаюсь, что Лея согласится. Помимо того, что она продолжает относиться ко мне с недоверием, её не отпускает чувство вины перед дочерью. Её руки устали держать обмякшее тельце, мышцы наверняка ноют, но она отказывается принимать помощь даже от подружки, потому что считает, что должна сама всё исправить. Лея не подпустить меня к себе. Даже слушать ничего не станет.

– Мы уплывем отсюда сейчас же, – отвечаю, ничуть не сомневаясь в своих словах.

Заметив нас, Боря спешит навстречу, потом забирает у меня чемодан и сумку и спускает их в тендер. Нас обливают поднявшиеся волны, одежда намокает, обувь давно испорчена. Боря вручает Элине спасательный жилет, и её ошарашенные глаза становятся ещё больше.

– Вы с ума сошли? – говорит она, недоверчиво поглядывая на Лею. – Мы ведь все утонем!

– Не утонем, если поторопимся! – отвечаю громко. – Надевайте жилеты и заходите в салон! Всё будет хорошо!

Поднимаюсь на борт, завожу двигатель. Завывающий ветер вздымает волны, дождь усиливается в одно мгновение.

– Все на борту! – громко сообщает Боря, оставаясь на корме.

Поднимаю вверх большой палец, сигнализируя о готовности выйти в море. Связываюсь по рации с «Черным бриллиантом» и сообщаю, что мы покидаем порт Фусфы.

Мне уже приходилось управлять судном в непогоду, но тревога пассажиров не передавалась мне воздушно-капельным путем, как сейчас. Это чувство не подчинит меня своей воле, поскольку с моей уверенностью в себе ей ни за что не совладать. Я всегда знаю, что делаю и каждое мое действие обдуманно и взвешено. Но эта тревога или опасение – оно просто есть и будто смотрит на меня со стороны, поджидая удобного случая, чтобы разбить вдребезги мою абсолютную независимость. Это из-за ребенка, думается мне, который находится на борту.

Увеличиваю скорость и острый нос тендера вздымается ввысь. Вода затекает в глаза, ветер быстро остужает горячую шею. Ещё один подскок на гребне волны и перед нами рассти-

лается бесконечная морская гладь в тусклом свете притаившейся за тяжелыми облаками луны. Чем скорее мы отдаляемся от Фусфы, тем спокойнее становится море. И Лея, надеюсь, тоже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.